

Стоянов В.Б.

*ТАКИЕ
РАЗНЫЕ
ДОРОГИ
ЖИЗНИ*

В. Б. Стоянов

Такие разные дороги жизни

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65219521

Такие разные дороги жизни: Издательство «Перо»; М.; 2021

ISBN 978-5-00171-962-5

Аннотация

Новая книга члена Союза писателей России, лауреата литературного конкурса «Преодоление» Стоянова В.Б. является зримой вехой в творчестве писателя. В небольших повестях, предоставленных на суд читателей сборника, писатель рассказывает о судьбах людей, попадающих в различные жизненные ситуации, порой героические или трагические, в разные периоды нашей родины – от первой мировой войны до наших дней, при этом во всех жизненных перипетиях они всегда оставались людьми. Такими останутся в памяти людей незаслуженно забытые защитники крепости Осовец. О том, как юная девушка во время оккупации румынами Одессы не смирилась с предательством любимого человека. Об офицере, служившем в армии во время слома Советского Союза, не потерявшего честь, когда все вокруг рушилось, на армию махнули рукой. О закулисных интригах в современных театрах. У каждого из героев своя дорога в жизни, свой выбор, и каждый из них

не потерял нравственных устоев, несмотря на все превратности бытия.

Хочется надеяться, что новая работа так же понравится читателям, как и предыдущие романы и повести.

Содержание

О тех, кто тверже камня и крепче стали	6
Жила-была девочка	89
Конец ознакомительного фрагмента.	123

В. Б. Стоянов

Такие разные дороги жизни

© Стоянов В.Б., 2021

О тех, кто тверже камня и крепче стали (Почти документальная повесть)

Русским воинам павшим в боях в первую мировую войну посвящаю.

В крепости Осовец непривычно тихо. Не летят с вражеских позиций снаряды. Не отвечают ответным огнем артиллеристы и пулеметчики. Солдаты занимаются своими делами: кто пишет домой письмо, кто-то стирает гимнастерку, чистят винтовки, поправляют разрушенные постройки, засыпают землей воронки.

Подпоручик Котлинский сидел у стены, спрятался в тень, смотрел в синее безоблачное небо, следил за одиноким коршуном, что кружил над крепостью, удивлялся, что здесь еще летают птицы, не боятся выстрелов и грохота пушек, возможно привык за год к ним, или случайно залетел в период затишья. Солдаты скучковались по правую руку, слушали балагура вахмистра Ивана Сенькина, волей случая попавший из полиции на военную службу, который рассказывал, как он в своей губернии наблюдал диковинную игру, в которой взрослые мужики ногами гоняли пузырь, старались попасть им в створ ворот. Подпоручик лениво повернул голо-

ву, спросил:

– Ты как попал в губернию, ты же родом из уезда?

Подпоручик старался узнать биографию каждого бойца своей роты, старательно заносил в свою книжицу сведения о подчиненных.

– Я, ваше благородь, тоди в полиции служил, – живо отозвался вахмистр. – Вот нас с каждого уездного городка откомандировали на ту игру порядок охранять, – сильно поволжски окая, пояснил вахмистр. И продолжил рассказывать: – Представляете, толпа мужиков в одних трусах от одного конца поля до другого бегают за пузырем, пинают его. Дамы хихикают, того и гляди в драке за пузырь трусы с мужика стянут. Вот потеха бы случилась, – и сам громко расхохотался. Слушатели не отрываясь от своих дел, посмеялись вместе с ним.

– Не пойму, что за игра такая? – спросил подпоручик.

– Штоб для ясности – поясню, – степенно проговорил вахмистр: – Это ежели бы взять вас и меня. За вашей спиной ворота, шириной шагов десять, за моей тоже ворота. Меж нами пузырь.

– Должно быть мяч? – поправил его поручик.

– Ну да, мяч, – согласился вахмистр. – И вот, ваша задача ногой пинать мяч в мои ворота, а я не даю, отбираю мяч и гоню его в ваши ворота. Токо на поле не два человека, а по восемь или десять в каждой команде, я не считал скоко их. И вот эти двадцать бугаев гоняють тот мяч, стараются забить

его в чужие ворота.

– И в чем проблема попасть в ворота шириной в десять шагов? – спросил солдатик, старательно разминал пустой бутылкой на камнях свое исподнее белье, давил вшей.

– Э-э, не скажи! В воротах стоит человек и не даёт залезть тому мячу в ворота.

Вахмистр достал кيسет, обрывок газеты, начал старательно крутить самокрутку.

– Руками мяч можно кидать? – спросил подпоручик. Ему все равно, как играют в ту игру, но так хотелось отвлечься на постороннюю тему, не думать о войне, от которой устали все за полгода обороны крепости.

– Руками нельзя, токо ногой, – солидно пояснил вахмистр, польщенный вниманием подпоручика. – Или головой, если мяч летит в голову.

– И че там интересного, – отозвался ефрейтор Сидоркин, он старательно и любовно чистил винтовку, каждый раз проверял ствол на солнце. – Баловство, однако.

– Баловство не баловство, а сам губернатор свистел так, будто голубей на крыше гонял. Да и публика шумела. Даже я в азарт вошел, забыл зачем призван был, замечание получил от офицера. Во как! Занятная игра!

Подпоручик посмотрел на вахмистра, спросил:

– Чего же тебя из полиции выгнали?

Он знал, полицейских в армию не призывали. Тот живо ответил:

– Так знамо за што! За пьянку!

– Ты один что ли в полиции пил? – хихикнул тот же ефрейтор Сидоркин.

– Та не, пьют усе. Токо я один попался на глаза нашему уездному голове. Да еще за грудки его хватил. За дело хватил. Вот меня и поперли. Хорошо, хоть не посадили. Война выручила. Ну, ниче, вернусь с фронта с орденом або с Георгием, приду к нашему голове, скажу, гони бездельника околоточного в шею, бери меня, героя войны на службу, – потер он ладони.

Все засмеялись. Улыбнулся и подпоручик. Посмотрел на мощную фигуру вахмистра, который руками подковы ломал, подумал, такой если за грудки тряхнет, мало не покажется. Вслух сказал:

– Все вы здесь, братцы, герои, – глухо проговорил он и натянул козырек на глаза. – Знать бы только, когда эта война закончится, – проворчал он.

Привалился плотнее к стене, в надежде вздремнуть в затишье. Солдаты допытывались у вахмистра, за что он городского голову за грудки тряхнул? Сквозь дрему подпоручик слышал, как тот все в той же манере рассказывал:

– Объявился в нашем уезде убийца. Мы все его в лицо знали, споймать не могли. Прятался по скитам да дальним деревням. Ловили долго, все никак он не объявлялся. А тут захожу в кабак, а он там с дружками сидит. Я его за шкуру, говорю, все погулял соколик на воле и будя, пора в око-

лотке нары погреть. Дружки, конечно, тут же стенкой встали, пришлось их лавочкой приголубить. А лавочка тяжелая, дубовая, ага! Доставил я того убийцу в околоток, начальник глаза вылупил, сам то он дальше околотка никуда не выходил. Посты я сам расставлял. Тут и городской голова прибежал, долго околоточному руку жал, потом ему медаль выдали, премию хорошу дали. А мне благодарность перед строем объявили. Когда в подпитии того голову встрел, за грудки взял, старательно спрашиваю: «Что за несправедливость така? Околоточный задницу от кресла не оторвал, а все почести ему?» Он грит: «Главное в этом деле правильно организовать службу. Если бы ни его умелое руководство, сидел бы ты в трактире и водку хлестал. А так носился по улицам, как бобик, вот и результат!»

Подпоручик слушая в пол-уха треп вахмистра подумал: «В словах головы есть доля истины. Не знаю, какой там в его уезде есть голова, но наш голова тут, то бишь, комендант крепости Осовец генерал Бржозовский, еще тот голова! Благодаря его умелому руководству, выдержке, крепость пол-года стоит и стоять будет».

Он достал свою заветную записную книжицу, покусал кончик карандаша, начал записывать. Солдаты и офицеры знали, их командир Котлинский Владимир Карпович ведет записи о каждом своем подчиненном, где родился, проживал до призыва в армию, чем занимался, как отличился на войне, когда и чем награжден, в каких вылазках и боях участвовал.

Расспрашивал о составе семьи, есть ли жена и дети, сколько лет служит, и прочие мелкие подробности. Все старательно записывал бисерным почерком в маленький блокнотик, который носил в нагрудном кармане. Когда его спросили, зачем ему это надо? Он ответил, командир должен знать о своих подчиненных все. На эту миссию Котлинский смотрел шире: в круговерти войны многие сведения теряются, солдаты и офицеры гибнут от артиллерийских налетов, атак, и никто не вспоминает об их подвиге, забывают наградить, не потому что проявляют равнодушие, а потому, что армии уходят, передвигаются, вливаются в другие подразделения, где новые командиры не знают о них ничего, да и некогда узнавать, когда кругом смерть, стоны, раны и нескончаемый грохот. Вот тогда и пригодятся ему записи. Таким образом он записал биографию унтер-офицеров казаков Коляды и Терещенко, родом из станиц Каневской и Тимашевской, что на Кубани, у обоих семьи и дети, вахмистр Сенькин из уездного города Кинешма, расположен на Волге. У него пять братьев и все воюют на разных фронтах. Сенькин женат, у него двое детей, которых он часто вспоминает и рассказывал, какие они у него умные и красивые. Ефрейтор Сидоркин не женат, он родился в Малороссии, дома его ждет мать, отец умер незадолго до начала войны. И так обо всех служивых.

Несмотря на молодость подпоручика, солдаты уважали своего командира. Пулям не кланяется, ест из одного с ними котла. Сначала, когда новое пополнение офицеров по-

явились в крепости, особенно самые молодые Котлинский и Стржеминский, безусые парни, которые еще и бриться не начинали, солдаты ветераны смотрели на них скептически. И так случилось, только они прибыли для прохождения службы в крепость, как в сентябре немецкие части оказались у ее стен. И чему удивляться, если до границы с Пруссией всего двадцать три километра, полдня неспешного хода. Сорок пехотных батальонов встали перед крепостью, не особенно утруждая себя атаками в первые дни, полагали, при виде такой мощи гарнизон сдастся без боя, как это случилось с другими, более укрепленными крепостями. Немецкое командование не знали, что крепость охраняет всего лишь Новгород-Северский полк, солдат которых не хватает на защиту всех фортов, хотя для противника это обстоятельство роли не играло. Каким бы оснащенным и укрепленным не был гарнизон, никто еще не устоял перед мощью немецкого оружия. Немцы в первые же дни сумели оттеснить первый рубеж обороны, что позволило подкатить к стенам крепости артиллерию на расстояние выстрела. Постреляв больше для острстки, нежели с целью серьезной артподготовки, немцы пошли на штурм. Хотя того обстрела хватило, чтобы разрушить надворные постройки, пробить стену крепостной церкви, погибло много солдат. Немцы не желали больших разрушений. Полагая, крепость им и так достанется, пусть в ней останется побольше целых зданий и фортов. И неожиданно встретили такое яростное сопротивление русских солдат и

ответный огонь батарей, что вынуждены были остановиться. И еще больше немецкое командование опешило от наглости русских, когда на следующий день они провели две фланговые контратаки, заставили немцев отступить и отвести свою артиллерию в тыл. Комендант крепости генерал-лейтенант Шульман напутствовал защитников крепости перед контратакой: «Братцы, за нашей спиной Белосток. Если нас вышибут, для них откроется прямой путь на Гродно, Минск, а там и до Санкт-Петербурга рукой подать. Мы не должны допустить этого. С Богом, герои!» Вот здесь и проявили свое мужество молодые подпоручики, они шли в атаку в полный рост впереди своих солдат, вахмистр Сенькин вынужден был перед окопами немцев толкнуть подпоручика Котлинского, да так, что тот скатился в воронку.

– Звиняйте, ваше благородие, – прогудел над ухом вахмистр. – Нечаянно получилось, споткнулся я. Котлинский ничего не ответил, выполз на край воронки, посмотрел на передний край. Немцы беспорядочно отступали. С крепости дали сигнал отбоя атаки. И только в крепости подпоручик встретил выпачканного в грязи подпоручика Стржеминского, сначала не узнал, тот блеснул белыми зубами в улыбке, проговорил с радостным воплем, еще не отошедший от боя:

– Во высыпали им, а?! Будут знать, сволочи!

Весь перепачканный в болотистой жиже Котлинский обнял товарища.

– Хорошо что жив и не ранен, – похлопал он по спине

сослуживца.

Так сразу же, через месяц после прибытия в крепость, подпоручики получили боевое крещение.

– Доложите, сколько убитых и раненных, – велел он прапорщику своей роты. Тот козырнул, через некоторое время появился, доложил: «Убитых по всей линии атаки сорок восемь человек, раненых сто семьдесят три человека. В нашей роте три человека убиты, двадцать ранены, только шестеро тяжело». Котлинский кивнул, попросил составить списки убитых и раненных.

С тех пор прошло полгода. Всего лишь полгода или целых полгода?! Когда идет бой, летят снаряды, время как-будто останавливается. В более мирные дни время пролетает быстрее. Только жить в постоянном напряжении все трудней и трудней. От того время движется медленно. Потому что все время подспудно ждешь, когда же это все закончится. Да еще бытовые условия донимают. Мало чистой воды, хотя река недалеко, мыться приходится редко, завелись вши. Прожарочные бани ранее в крепости имелись, их разрушили снарядами еще в первую атаку. Обмундирование быстро приходит в негодность. И каждодневные обстрелы.

Молодые подпоручики вспоминали, только недавно они представлялись по прибытию в крепость тогдашнему коменданту крепости генерал-лейтенанту Карлу-Августу-Шульману. Представившись, и выйдя в коридор, подпоручики переглянулись, недоуменно пожали плечами. Уж очень свое-

образно выглядел генерал внешне, да еще при своей немецкой фамилии. Худой до изнеможения, но живой и подвижный, усы топорщились в разлет, как у сказочного персонажа, окладистая борода, быстрая речь, логично построенная и в то же время захлебывающаяся от нетерпения, он несколько раз вскакивал из-за стола, поздравлял молодых офицеров с прибытием в полк, пожимал им руки, наговорил много приятных вещей, не имеющих отношения к делу, отпустил их, выразив надежду, что они впишут свои имена в страницу защитников крепости. Как в воду глядел, вписали в историю свои имена молодые офицеры. Первое недоверчивое впечатление о генерале оказалось обманчивым. Руководил оборонной умело, он посылал в контратаку войска в тот момент, когда немцы меньше всего ожидали. Особенно ошеломительной для немцев случилась атака русских в три часа утра. Когда немцы спали. А часовые прозевали атаку русских. Командант перед атакой выслушал передовых дозорных, которые скрытно вели разведку в тылу противника, лично вышел на передовую и на месте руководил боем. Никто из молодежи не знал, какой боевой путь прошел генерал-лейтенант, судя по наградам, он прошел славный путь: кавалер трех степеней ордена Святого Станислава, трех степеней ордена Святой Анны, две степени ордена Святого Владимира, на груди почему-то он носил только орден Святого Георгия четвертой степени. Видимо как намек, что он должен заслужить все остальные степени этого ордена. Скептическое отношение

вкупе с недоверием к его немецкой фамилии исчезло сразу же, как только подпоручики поняли, насколько генерал грамотен в организации обороны крепости. Да и мало немецкой крови осталось в родословной генерала. Происходил он из дворян Великого княжества Финляндского.

По прибытии к месту службы в крепость Котлинский получил назначение командовать тринадцатой ротой Землянского полка, его товарищ Стржеминский назначен командиром второй саперной роты. Располагались роты в одном форте, поэтому сослуживцы виделись часто, иногда специально заходили в гости друг к другу, поделиться новостями, обсудить дальнейшие совместные боевые действия. После той первой вылазки русских у немцев спеси поубавилось. Срочно стали совещаться, как им далее поступить. Стыдно топтаться у стен не самой мощной крепости, когда куда более крупные цитадели не выдерживали десяти дней осады. И только умелые действия в первые дни войны начальника артиллерии генерал-майора Бржозовского, который приказал открыть ответный огонь из всех орудий гарнизона, и коменданта крепости генерал-лейтенанта Шульмана, который организовал две фланговые контратаки, оттеснили немцев, они в спешке откатали свою артиллерию в тыл. Молодые командиры рот участвовали в контратаке на немцев, показали себя не только смелыми воинами, но и умелыми командирами. Так сразу подпоручик Владимир Котлинский и его ровесник и товарищ подпоручик инженерных войск Владислав

Стржеминский получили боевое крещение и заслужили уважение своих подчиненных. Солдаты и прапорщики их рот смогли по достоинству оценить смелость молодых командиров. Пусть у них еще нет боевого опыта, зато шли впереди роты, сражались отчаянно, пришлось опытным солдатам отеснять их, прикрывать своими телами, офицеров в крепости и так не хватало. Но разве можно прятаться за спины солдат, когда впереди наступающих войск шел подполковник Хмельков Сергей Александрович, увлекая за собой солдат и офицеров.

Не только смелостью, всем своим поведением молодые подпоручики сумели завоевать доверие солдат. Да и как Котлинский мог проявлять к ним высокомерие, его отец из крестьян, сыну дал образование продав последнюю корову, переехал в город, во всем себя ограничивал, только чтобы сын выучился. Подпоручику Стржеминскому учиться было легче, он из дворян, отец подполковник, отдал сына в одиннадцать лет в военное училище, воспитал уважать солдат. Война и защита крепости уравнивали всех воюющих. Уже не наблюдалось той разобщенности солдатской массы и офицеров, которая имела место в мирное время. В прежние годы офицеры держались по отношению к солдатской массе высокомерно, отчужденно, случались и мордобои. Многие офицеры не считали солдата за человека. Сейчас такого не наблюдалось. И не потому, что боялись получить пулю в спину от обиженного солдата, а потому, что солдаты здесь ничем

не отличались от офицеров, война уравнила их положение. В атаке перед пулей все равны, пуля не различает звания, там как нигде нужна помощь и взаимовыручка. Ели из одного котла, за спины друг друга не прятались. Нигде так, как на войне, офицеры, не смотря на свою кастовость и сословность, начинали понимать: они ничто без обученного, грамотного и патриотично настроенного солдата. И комендант Осовецкой крепости генерал-майор Бржозовский Николай Александрович, сменивший в январе пятнадцатого года генерал-лейтенанта Шульмана, неоднократно повторял: солдата нужно беречь. И сам никогда не повышал голос ни на рядового воина, ни на офицера. За что пользовался авторитетом у солдат и офицеров, хотя лично в атаки не ходил, но руководил обороной крепости умело. Он, как никто понимал, как много зависит от солдатской массы, с юности с ними в окопах. Участник русско-турецкой войны, похода на Китай, воевал в русско-японской войне, ранен и контужен, прошел путь от подпрапорщика до генерал-майора, человек сурового вида, однако суровость его чисто внешняя. За справедливость и грамотное управление обороной крепости завоевал уважение не только подчиненных, но и высшего командования. К солдатам и офицерам относился уважительно, строго следил, чтобы командиры не позволяли себе пренебрежительного отношения к солдатам, проявлять грубость, лично проверял довольствие солдат. Офицер до мозга костей, он лично обходил посты и форты, если делал замечание, все – от

солдата до полковника тут же старались исправить положение. Уважали его безмерно. Он дольше всех находится в крепости, поскольку еще в одиннадцатом году назначен начальником Осовецкой крепостной артиллерией. Только недавно он стал комендантом крепости. Бржозовский мужчина хотя внешне суровый, не улыбочивый, никогда не повышал голос, говорил ровно, но веско, речь логически правильно выверенная, без лишних нравоучений. После своего назначения, он собрал на совещание офицеров и строго изрек:

– Даю право любому офицеру пристрелить меня, если я приму решение сдать немцам крепость, – заявил он, обошел всех офицеров, каждому заглянул в глаза, словно проверял, все ли правильно истолковали его приказ, прошел на свое место и продолжил совещание.

Подобное заявление коменданта вызвано тем, что самая сильно укрепленная Новогеоргиевская крепость, у которой сто тысячный гарнизон при тысяче тяжелых орудий после десяти дней осады сдалась при предательстве коменданта крепости генерала Бобыря. В плен попали двадцать три генерала и свыше двух тысяч офицеров. Комендант крепости Ковно генерал Григорьев трусил и покинул свои войска. Позорные страницы первой мировой войны, о которых тоже нужно знать. О крепости Осовец необходимо не только знать, но и помнить. Нет в истории российской более достойного подвига, как оборона этой маленькой, по тем меркам, цитадели. Крепость Осовец перестраивали и укрепляли

в течении последних десяти лет, однако к началу войны до конца модернизировать не успели. И этой не большой, слабо укрепленной, без тяжелых орудий крепости предстояло противостоять более сильному противнику в течении полугода, и только по приказу командования защитники оставят крепость, которая могла остаться далеко в тылу немцев.

Солнце нещадно припекало, поручик Котлинский встал, выглянул за стену, на поле перед крепостью, за нашими окопами и траншеями располагались траншеи немцев. В бинокль и ясную погоду хорошо видны немецкие укрепления и солдаты противника. Немецкому командованию эта крепость, как кость в горле. До этой крепости они легко и быстро разгромили несколько укрепленных европейских твердынь, и этой цитаделью хотели так же без значительных потерь овладеть, да не тут то было. В лоб ее не взять, и обойти невозможно. Справа и слева болото. Только через крепость по железной дороге и насыпи можно продвигаться вглубь российской сторонки.

Рядом появилась тень, Котлинский покосился, возле него с биноклем в руке остановился подпоручик Стржеминский, кивнул на поле:

– Что-то немчура зашевелились, – проговорил он.
– Зашевелились, а стрелять перестали, – задумчиво согласился с ним Котлинский. Он через плечо взглянул за стену, отвернулся.

– Комары их заели. Надоело в болоте полгода сидеть. У немцев условия еще хуже, чем у нас. Мы хотя бы по сухой земле ходим, да на нарах спим. У них в траншеях и окопах жижа под ногами, – проговорил Стжеминский, разглядывая в бинокль позиции немцев.

– Так им и надо. Мы их сюда не звали. Пусть покормят комаров, – отозвался Котлинский.

– У них комары и слепни, зато воды полно. У нас комаров мало, вшей много и питьевой воды не хватает, хотя река рядом, – сказал Стржеминский, опустил бинокль, прислонился спиной к стене, встал рядом с товарищем. Воды в крепости, действительно, не хватало. Берегли для раненых и приготовления пищи. Отсутствие нормальной бани раздражало солдат и офицеров, устали бороться со вшами. Врачи боялись вспышки тифа, протирали тела спиртом, прожаривали обмундирование в наспех сделанных приспособлениях, помогало, но не на долго.

– У меня такое чувство, что это затишье перед бурей. Не зря немцы суеются, но не открывают огонь, готовят очередную пакость, – задумчиво проговорил Стржеминский. Котлинский посмотрел в небо на палящее солнце, с сомнением ответил:

– Обычно перед атакой они несколько дней бомбят наши позиции. Помнишь, как они выкуривали нас в феврале перед тем, как начать штурм?

– Разве такое забудешь, – отозвался сослуживец. – До сих

пор не можем восстановить самое необходимое.

– Немцы тупые, так и не поняли, что мы ночами восстанавливаем то, что они разрушают днем, – подал реплику подпоручик Котлинский.

– Ночью немцы любят спать. Распорядок дня для них святое, – усмехнулся товарищ.

Над головой появился немецкий аэроплан, противно жу-жа пропеллером, начал кружиться над крепостью. Сначала предположили – начнет кидать бомбы. Стреляли солдаты по нему без команды из всех возможных орудий, даже из винтовок или из пулеметов, мало приспособленных для стрельбы по воздушным целям. Когда крепость строили, аэропланов еще не изобрели. Теперь они стали настоящей головной болью. Сбить их невозможно, не изготовили инженеры оружие для воздушных целей. Они же наносили значимый урон. А главное, у противника появилась возможность без потерь разведывать слабые стороны в обороне расположения войск и артиллерийских точек. Однако аэроплан не стал бомбить позиции русских, покружился над крепостью и улетел.

– Разнюхивают, – кивнул в сторону улетевшего аэроплана Стржеминский.

– Похоже, – согласился Котлинский.

– Пойду дам команду часовым, чтобы повнимательнее смотрели, – отошел на два шага Стржеминский, повернулся, напомнил: – К пяти часам подходи к штабу. Подполковник Свечников проводит оперативное совещание.

Котлинский кивнул, проводил взглядом сослуживца.

Он познакомился с Владиславом Стржеминским по прибытию в крепость. Сблизились быстро, поскольку оба ровесники, держались друг друга. Со временем товарищи рассказывали о себе. Котлинский старательно записал в свою записную книжицу краткую биографию товарища для потомков, как он делал всегда, когда выпадали свободные минуты. Новый его товарищ и сослуживец родом из Минска, польский дворянин, его отец подполковник Русской Императорской армии Максимилиан Стржеминский. Сын пошел по стопам отца, окончил Николаевское инженерно-военное училище в Петербурге. До этого в одиннадцать лет отец отдал его в 3-й московский кадетский корпус, так что ему суждено стать военным. Училище он окончил перед самой войной, ему присвоили звание инженерного подпоручика. Получил назначение в июле того же года в Осовецкую крепость, которую командование решило дополнительно укрепить, здесь его и застала война. Саперную роту, куда получил назначение Стржеминский, усилили и разделили на две роты, он стал командиром второй роты. Подпоручик хорошо рисовал, в свободное редкое время он набрасывал портреты солдат, офицеров сослуживцев. Ему говорили и ранее, если бы не выбор по военной части, он вполне мог бы стать замечательным художником. На почве рисования он познакомился с художницей и начинающим скульптором Катаржиной Кобро, у нее польско-немецкие корни, в России ее звали на русский манер –

Екатериной. В отличие от друга Котлинского, который не будучи знатного рода влюбился в дочь графа, он – польский дворянин, влюбился в девушку не дворянского происхождения. Ее отец крупный судовладелец из обрусевших немцев. Отец подпоручика не одобрял увлечением сына рисованием, мать выбором сына, который влюбился в девушку не их круга. Впрочем, Катаржина о влюбленности молодого офицера подозревала, только объяснить с ней он не успел, подпоручик вскоре отбыл по месту службы, потом началась война. Они встретятся через три года, в военном госпитале, куда подпоручик попадет с тяжелейшими ранениями, а сестрой милосердия в офицерском отделении работала Катаржина. Тогда она вспомнит об офицере, с которым она посещала художественную студию. И о той мимолетной симпатии, которую они питали друг к другу. Только теперь офицеру, списанному из армии по инвалидности, надеяться на ответное чувство не приходилось. И все же чудо произошло, Катаржина станет его женой. Но произойдет это через несколько лет, когда окончится не только первая мировая война, но и гражданская в России.

Котлинский пошел в распоряжение своей роты. Проверил посты, поговорил с отдыхающими от постовой смены. Посетил пулеметные точки, осмотрел все ли пулеметы на исправность, убедился в наличии пулеметных лент. Поинтересовался, успела ли пообедать первая смена, на очереди следующие воины должны идти в столовую. Удостоверился, служ-

ба идет надлежащим образом, прошел в офицерский каземат, где решил написать письмо любимой девушке. Хотя он не знал, насколько любим, ему очень хотелось, чтобы его так же любили, как и он. Но ни в письмах, ни ранее при встречах девушка не проявляла открыто ответного чувства, не говорила слов любви, как прочем и он ей. При встречах она была приветлива, доброжелательна, никогда в разговоре не проскальзывала разница в их социальном положении. Ему казалось, девушка умная, она и без слов почувствует, как он любит ее.

С девушкой он познакомился в военном училище на новогоднем балу, когда командование военного училища с разрешения высоких особ пригласили на вечер воспитанниц Смольного института. Юнкера за несколько дней готовились к вечеру, начищали обувь, драили медные пуговицы и кокарды, гладили брюки, чтобы не ударить лицом в грязь. Поскольку знали, в Смольном институте учатся девушки высокопоставленных родителей, военных не ниже полковника, гражданских не ниже действительного статского советника. Многие выпускницы становятся фрейлинами двора, женами высокопоставленных чиновников. Девушек привезли в экипажах Смольного института, они выпорхнули стайкой перед парадным входом училища, все одинаково одетые, на них белые блузки и юбки мелкими складками, батистовый парадный передник, ворот с воланом, на нем широкая вышивка с черной бархоткой. Начальник училища встретил их на

крыльце училища, галантно поздоровался с воспитательницами и воспитанницами, провел их в зал, где уже стояли шеренгой юнкера. Начальник училища представил их, с уверенностью характеризовал их как будущую гордость русского воинства, предложил юнкерам подойти к воспитанницам, самим познакомиться с девушками, и пригласить их на танец. Заиграла музыка. Котлинский сразу же обратил внимание на девушку, которая с первого взгляда понравилась ему своей статностью, светлыми волосами, курносым носиком и большими серыми глазами. Он подошел к ней, представился, она сделала книксен, грудным голосом назвала свое имя: Дарья Сергеевна Голицина. Род известный в России, только потом она пояснила, они очень дальние родственники тех Голицыных, тем не менее семейство не бедное, графского происхождения. Они кружили в танце, юноша смотрел в ее глаза, и ту минуту понял, он готов в них утонуть. Они закружили в вальсе.

– Когда вы заканчиваете институт? – спросил он. – Этой весной, – пояснила девушка.

Говорила просто, без жеманства, тихо, но четко отвечала на вопросы. И хотя этикет предусматривал после танца не задерживаться возле одной и той же воспитанницы, необходимо приглашать на танец других девушек, юноша уже не мог отойти от Дарьи. В течении вечера он приглашал других воспитанниц, сам ловил взглядом фигурку Дарьи, смотрел с кем еще танцует девушка, затем снова приглашал ее. Она

только улыбалась, все понимала и не было в ее глазах укора. К концу бала юноша уже не замечал других воспитанниц, хотя среди них присутствовали очень красивые девушки, он видел только глаза Дарьи Сергеевны. Тот вечер так быстро закончился, юнкера разочарованно смотрели на настенные часы, им разрешили проводить барышень до экипажей, юноша помог взойти Дарье в экипаж, преодолевая стеснительность спросил:

– Увижу ли я вас еще когда-нибудь?

– Быть может, – улыбнулась она в ответ.

И он не решился спросить: где и когда? Ни он не располагал своим временем, ни она до выпуска не вольна своим поступкам.

В казарме, когда в тот вечер юнкера готовились ко сну, один из них посмотрел на притихших товарищей, задумчиво высказался: «Хороши барышни! Только не по Сенькам шапки!». Понимали, в училище учатся юнкера, чьи родители среднего достатка, невест они выбирают из своего круга. Воспитанницы Смольного после выпуска становились фрейлинами императрицы, вхожи в высший свет, замуж выходили за видных политических деятелей или военных. Котлинский целый месяц ходил под впечатлением от той встречи, не надеясь увидеть девушку. Хотя очень хотелось.

Второй раз Котлинский увидел Дарью весной в городском саду. Он получил увольнительную и решил погулять по городу. Девушка прохаживалась по парковой дорожке в сопро-

вождении няни и матери. На сей раз она одета не в платье института, а в богато отделанную жемчугами юбку, на ней бархатная жакетка, на плечах меховая пелерина. Он взглянул на свои покрытые пылью сапоги, хотел нырнуть в кусты, но девушка заметила его, отступать стало поздно. Он собрал волю в кулак, смело подошел, учтиво поклонился, поприветствовал:

– Здравствуйте, Дарья Сергеевна! Здравствуйте, мадам! – поклонился он женщинам.

Девушка улыбнулась, сделала книксен, повернулась к маме, певуче проговорила:

– Знакомьтесь, маман, Владимир... э...

– Котлинский, – напомнил юноша.

– Да. Юнкер военного училища, – пояснила она.

Женщина посмотрела на него сквозь лорнет, сразу оценила его далеко не новое обмундирование, по-французски удивленно спросила дочь:

– Бог мой! Даша, где ты успела с ним познакомиться?

Дочь по-русски ответила, чтобы Владимир, понял суть вопроса матери:

– Мы познакомились с ним на новогоднем балу в военном училище. Много танцевали, правда, Володя?

– Имел честь, – подтвердил юноша. – Мечтал, чтобы подобное повторилось.

Девушка вскинула на него взгляд, улыбнулась. Маман опять посмотрела на него в лорнет.

– Молодой человек мечтает стать военным? – спросила она.

– Точно так.

– Дворянин?

– Никак нет, – запнулся юноша.

Женщина поджала губы. Сделал шаг в сторону выхода из сада. Юноша последовал за ними, с ним не попрощались, давая таким образом понять, он может их проводить.

– Ничего, мама, Володя дослужится до полковника и беспорочной службой заслужит дворянство, правда? – сказала девушка и с улыбкой посмотрела на него.

– Непременно, – ответил он уверенно.

Он шел рядом с девушкой, пьянел от аромата ее духов, напоенным весенними почками воздухом, не веря своему счастью, что он видит девушку, о которой мечтал, засыпая на жесткой кровати в казарме.

Солнце хотя и заливало ярким светом окрестности столицы, но день по весеннему погожий. С Невы дул довольно прохладный ветер. Он видел, как девушка слегка поежилась, и плотнее прижала к себе пелерину.

– К тому времени, Даша, ты станешь бабушкой, – бросила реплику мать по – французски, намекая на долгосрочность прохождения службы от юнкера до полковника.

Юнкеров учили французскому и немецкому языкам, языки юноше плохо давались, сколько не учил, разговаривать стеснялся, однако речь на слух воспринимал, сделал вид, что

он не понимает реплик матери.

– А вы, Дарья Сергеевна, кем хотели бы стать? – спросил он, чтобы не молчать.

– Сестрой милосердия, – ответила девушка. – Только папа не разрешает мне ходить на курсы сестер милосердия. Говорит, не женское это занятие. Дело не во мне, как в женщине. Папа не хочет, чтобы наследница графского титула выносила горшки из под больных, – с сарказмом проговорила девушка и выразительно посмотрела на мать.

– Фи, Даша, – отреагировала мать. – Как вульгарно ты выражаешься, – и повернулась к няне: – Это ваше влияние? Та скороговоркой по-французски открестилась. Мать снова повернулась к дочери:

– Есть кому попроще заниматься больными людьми. Тебя в институте готовят к преподавательской деятельности. Не хватало еще, чтобы высокие особы пачкали свои руки о... – она не нашла с чем сравнить пачканные руки, дочь перебила ее:

– Высокие особы тоже болеют. Вон, маменька, граф Данилов ныне от белой горячки в психический дом попал. Буянил. Переломал там всю мебель, санитарам его связывать пришлось, – привела она пример.

Мать строго посмотрела на дочь, ей неудобно спорить с дочерью при постороннем молодом человеке. Вполголоса буркнула:

– Нашла о ком вспомнить.

Он проводил женщин до выхода. У тротуара их ждала карета. Юноша сожалел, что так мало ему пришлось пообщаться с девушкой.

– До свидания, юнкер, – сказала мать и поджала губы. Няня только кивнула.

Котлинский щелкнул каблуками и мотнул головой. Подал руку матери, помог ей взойти в карету. Мать по-французски бросила реплику:

– Надо же, не дворянин, а с этикетом знаком, – и добавила: – Впрочем, юноша симпатичный.

Поскольку девушка протянула ему руку, он наклонился и поцеловал ее, тоже поддержал ее, когда она поставила ногу на ступеньку. Девушка чуть задержалась, сказала:

– В следующее воскресенье мы принимаем гостей по случаю окончания поста, я приглашаю вас. Сможете? – спросила девушка.

– Сочту за честь. Если меня отпустят в увольнение.

– Приходите.

И девушка назвала адрес.

Котлинский долго смотрел вслед карете, не веря своему счастью. Затем, когда возвращался в училище, раздумывал: принять ли ему предложение или отказаться. Все же кто они, и кто он?! Он сын крестьянина Карпа Котлинского, перебравшегося в город Псков, и женившегося на телеграфистке станции Псков-1 Наташе. Дарья графская дочь, ей уготовано блестящее будущее, замуж она выйдет тоже за графа или

крупного чиновника. Социальная разница не позволит любить ее, даже просто общаться ему будет непозволительно. И все же он уже тогда знал, что непременно воспользуется приглашением. Ему еще раз хотелось посмотреть в ее глаза, услышать ее голос.

Всю неделю юноша жил одним желанием, чтобы быстрее наступило воскресенье, не получить замечания от преподавателей и воспитателей, которые могли бы не пустить его в увольнение. И когда желанный день наступил, он так старательно чистил сапоги, надраивал пуговицы, и выглаживал брюки, что сослуживцы начали над ним посмеиваться. Юноша купил букет цветов из отложенных денег, пришел по адресу, остановился перед огромной массивной дверью, не решился на дальнейший шаг, потом подумал, не гоже будущему офицеру пасовать перед трудностями, решительно дернул за шнурок звонка. Вышел лакей, высокий, важный, в красной ливрее, спросил, что угодно молодому человеку?

– Мне назначено... – проговорил юноша, слова застряли в гортани, не ожидал он увидеть столь помпезно одетого лакея, он опять пожалел, что решился на визит, кашлянул, продолжил: – Дарья Сергеевна пригласила меня в гости.

– Сейчас доложу, пройдите в приемную, – посторонился лакей.

Котлинский зашел в просторный холл, остановился перед огромным, во всю стену зеркалом, лакей велел подождать, поднялся по лестнице вверх. Он увидел в зеркале жалкого

юношу в потертом юнкерском мундире, с букетом цветов не первой свежести, в душе появилась досада на самого себя, что у него не хватило силы воли отказаться от приглашения. Отступить поздно. Через минуту наверху показалась Дарья, окликнула:

– Володя, поднимайтесь сюда.

Он подал фуражку и перчатки лакею, взбежал по лестнице.

– Здравствуйте, Дарья Сергеевна, – протянул букет и поцеловал ей руку.

– Здравствуйте, Володя. Не ожидала, что вас отпустят. Но я рада. Идемте, я представлю вас друзьям и родственникам.

Она взяла букет, поблагодарила, вдохнула аромат цветов, и тут же протянула его лакею, тот поклонился и отошел. Девушка была ослепительно хороша, на ней ажурное белое платье с глубоким декольте, на грудь кольцо из синих, под цвет ее глаз, камней, в уложенных волосах диадема.

Они зашли в просторный зал, в нем много гостей, они стояли маленькими группками, с бокалами шампанского, беседовали, почти никто не обратил на юношу внимания, и только когда Даша подводила его к очередному гостю и говорила: – «Познакомьтесь, мой хороший знакомый», – гости вежливо кивали. Кто-то с любопытством окидывал его взглядом, кто-то равнодушно кивал и тут же отворачивался. Среди блеска украшений на дамах и изящных фраков, генеральских мундиров и лакеев в ливреях, юноша чувствовал себя

неловко, с тоской посмотрел на свои не такие уж и начищенные сапоги, а юнкерский мундир и вовсе смотрелся среди этого великолепия, как маскарадный костюм. Дарья подводила его к молодым людям, безукоризненно одетым во фраки, представляла своего нового знакомого, они недоуменно окидывали его взглядом, вежливо кивали и тут же отходили. Один молодой человек в безукоризненно подогнанном на нем фраке, довольно бесцеремонно подошел к девушке и заговорил с ней по-французски, совсем не замечая рядом стоящего с ней юнкера, словно его здесь и не существовало. Дарья с честью вышла из щекотливой ситуации, она извинилась, сказала, что позже вернется к разговору. А сейчас она занята тем, что хочет ввести в круг своих гостей нового знакомого. Юноша окинул взглядом юнкера, хмыкнул и отошел. Мать увидела рядом с дочерью юношу, которого она узнала по юнкерскому мундиру. Она стояла рядом с мужем во главе накрытого стола, за который гости вскоре должны сесть, вскинула недоуменно брови, прикрыв рот веером, что-то проговорила мужу. Тот поискал глазами дочь, посмотрел на Котлинского, ничего не ответил жене, видимо он смирился с прихотью дочери. Не впервые ей своевольничать. Отец знакомиться с юношей не стал. Дарья и сама почувствовала, как неловко себя чувствует юнкер. Котлинский сказал:

– Чужой я на вашем празднике жизни. Пожалуй, пойду я. Извините, Дарья Сергеевна. У меня всего лишь час времени, – соврал он. – Мне очень хотелось увидеть вас, и я

увидел. Я счастлив. Не буду смущать ваших высоких гостей. Не понять им, что под толстым сукном солдатской шинели может биться благородное сердце, – процитировал он слова Грушницкого из «Героя нашего времени».

– Что вы, Владимир! – пыталась оправдать своих гостей девушка, он решительно поклонился ей и пошел на выход. Она провела его до выхода, чувствуя неловкость от создавшего положения, сказала:

– Приходите в следующие выходные к нам в сад. Мы будем одни и побеседуем без свидетелей. А здесь все равно не поговоришь.

И Котлинский ушел с чувством горечи в душе, понимая, любить ему эту девушку можно, но бесперспективно. Он хотел бы забыть ее, только никак не уходил из его памяти и души образ девушки. Он все же пришел в следующее воскресенье в сад, девушка казалось ждала его. Или случайно там оказалась, или всегда в это время гуляла по саду. Во всяком случае, она обрадовалась его появлению. Увела вглубь сада, по пути извинялась за прошлое воскресенье, вела с ним просто и искренне. Они сели на лавочку под крышей ротонды, девушка потребовала:

– Рассказывайте, как вы прожили эту неделю?

– Что рассказывать? У нас дни проходят однообразно. Занятия в классах, затем на природе, строевая, стрельбы и так каждый день.

– Вас учат убивать людей? – лукаво спросила девушка.

– Нас учат защищать отечество, – возразил юноша.

– И сколько вам осталось учиться?

– Еще год в училище, и год на практике в полку.

– А у меня через месяц выпускной, – обрадованно сообщила девушка.

– И что же дальше? Разрешили вам посещать курсы?

– Пока нет. Только я настойчивая, – улыбнулась она.

Юноша смотрел на нее, не удержался от ревнивого вопроса:

– Простите, Дарья Сергеевна, у вас есть... – он запнулся, – жених?

Она звонко рассмеялась:

– Папа каждый вечер обсуждает этот вопрос, перебирает достоинства и материальные возможности того или иного молодого человека. Только я пока не готова замуж. – И уже серьезно добавила: – Я выйду только по любви.

– Разве отец позволит вам, – уныло проговорил юноша, понимая свое хлипкое положение в качестве жениха.

Дарья рассмеялась.

– Вот увидите, я выйду замуж за того, кого полюблю. И юноша тогда подумал, за оставшиеся два года учебы он постарается доказать девушке, что достоин ее любви. Молодые люди встречались в саду, много разговаривали, девушка прониклась симпатией к юноше, так не похожего на ее чопорных знакомых из знатных семей, которых в первую очередь интересовали ее приданное, а только потом она сама. Котлин-

скому все равно какое у ее папы состояние. Он любил эту девушку. Она казалась ему воплощением красоты, грации и женственности.

Однако юнкеров выпустили из училища менее, чем через год в связи с объявлением войны. Последний раз он пришел к дому девушки в новеньком офицерском парадном мундире, попрощаться перед отбытием на фронт. Пришел не в сад, а через парадное крыльцо зашел в дом. Отец впервые удостоил его непродолжительным вежливым разговором, расспросил куда его направили, пожелал скорейшей победы и возвращения невредимым. С девушкой они условились, он будет писать ей с фронта, рассказывать, как ему воюется. Она провожала его до угла дома, юноша долго держал ее пальчики в своей руке, и не хотел отпускать.

– Берегите себя, – напутствовала его девушка.

Он поцеловал ей руку, девушка впервые провела рукой по предплечью и легонько поцеловала его в щеку.

После ухода юноши муж спросил жену:

– Этот молодой человек кто? Почему он стал вхож в наш дом?

Жена пояснила:

– Дарья привечает его. Не знаю, что она в нем нашла.

– Не возомнит ли он себя ее женихом? – с сарказмом бросил он. – Лицом и фигурой пригожий. Как бы наша дурочка не влюбилась.

– Свят, свят! – отмахнулась жена. – Кто он и кто мы! –

пожала она плечами.

— Таких подпоручиков мы ей можем сосватать целый полк, — согласился с ней муж. — Вовремя началась война, отбудет на фронт и все забудется.

Не знал граф, отец Дарьи, что пройдет всего три года, он будет рад выдать свою дочь за любого достойного человека, поскольку Париж был переполнен русскими беженцами и эмигрантами, обедневшими графами, камердинерами, офицерами от лейтенанта до генерала, многие из них теперь работали шоферами такси, половыми в русских и французских ресторанах, официантами в кафе, многие спивались и стрелялись. Бывшие фрейлины и дворянки когда-то именитых семей работали официантками, посудомойками, уходили на панель. Но сейчас он находился на вершине столичной элиты, и ему казалось, что так будет всегда.

Поручик Котлинский писал письма девушке часто, они скапливались у него, поскольку почта работала с перебоями. Потом сразу уходило три, четыре письма. Что мог писать девушке подпоручик? Не мог же он ей писать, что их каждый день бомбят, воины погибают и их не успевают хоронить, бытовые условия никакие, казармы разбомбленные, их донимают вши, он уже месяц не мылся, пища скудная, каша надоела. Он не описывал атаку немцев, в феврале этого года, когда немцы пошли в наступление на первую линию выдвинутых полевых русских позиций. Пять дней в мелко углубленных окопах русские солдаты сдерживали натиск врага, за-

тем отошли на вторые позиции. Через неделю немцы подогнали мощные артиллерийские глинобитные орудия «Большую Берту», мортиры «Шкода», а всего тяжелых орудий немцы подогнали свыше шестидесяти штук, которые бомбили крепость снарядами калибром от ста до четырехста двадцати миллиметров день и ночь. Немцы вели огонь по триста пятьдесят залпов каждые четыре минуты. За неделю обстрела по крепости выпущено двести пятьдесят тысяч снарядов. Сверху бомбы бросали с аэропланов. Разрушены все надворные постройки, полуразрушены форты и бастионы. Горело все, что могло гореть, даже камень плавился. Никого в живых не должно остаться после такой бомбардировки. Лазарет не справляется с ранеными, а похоронные команды не успевают хоронить убитых. Командование генерального штаба просило защитников крепости простоять сорок восемь часов. А они стоят здесь уже полгода. Немцы посчитали, что после такого интенсивного обстрела сопротивление русских сломлено, пошли в атаку. Им не удалось не то что взять крепость, они даже не смогли выбить солдат со второй линии обороны. Эта неудача заставила немецкое командование на этом участке перейти к позиционным военным действиям. Подпоручик Котлинский водил в контратаки своих солдат, за что был удостоен вторым орденом святого Станислава 4-й степени с мечами и бантом. Первые два ордена святой Анны он получил за бои в сентябре прошлого года. Причем второй орден он получил из рук самого Государя императора. Он

отдельно описывал девушке визит царя в крепость. Вспомнил слова хорунжего: «Приду в околоток с Георгиевским орденом, пусть меня берут обратно в полицию за заслуги перед отечеством». Вот и юноше закралась сакральная мысль, оденет ордена и предстанет перед родителями Дарьи, авось не откажут герою войны в руке своей дочери.

Всего этого он девушке в письмах не излагал, писал девушке совсем о другом: какие кругом красивые озера, в них отражается синее небо, по берегам белые березки. Он служит в крепости, которую начали возводить в прошлом веке, достраивают до настоящего времени, поскольку за сто с лишним лет совершенствуются орудия, и не все стены выдерживают современные снаряды. Крепость является совершенством архитектурного оборонительного искусства. Он не писал девушке, что данное совершенство оборонительного искусства всего лишь третьестепенная цитадель, которую к началу войны не успели модернизировать. Не мог он написать девушке, что на фортах крепости нет ни бетонных эскарпов, ни солидных металлических решеток долговременного типа, крепостная артиллерия не имеет командных пунктов, пушки не закрыты броневыми щитами. Зачем забивать голову юной девушки такими подробностями. Недалеко имеются более мощные и укрепленные крепости. Обойти крепость врагу не удастся, так как справа и слева болото. Форт является восточным опорным пунктом укрепленной линии между реками Нарев и Бобры. По вечерам играет духовой оркестр, что-

бы подразнить немцев, показать им что крепость живет и не думает сдаваться. В общем не служба, а сплошной курорт. Он не лукавил, вечерами сводный духовой оркестр действительно каждый вечер выходил на центральную стену, и повернув раструбы в сторону немецких позиций играли «Коль славен», как хвала Богу, сохраняющего нас; «Гимн», как выразитель верности своей Родины; «Марш», как выражение солдатской доблести. Скромно упомянул о награждении орденом, который он получил из рук самого Государя Императора.

Девушка отвечала ему, поздравила с орденом, шутливо высказала недоумение, за что ему вручили орден, поскольку он не на передовой, а прохлаждается за крепостными стенами. Позавидовала его встрече с Государем, посетовала, что в этом году из-за войны Государь не удостоил Институт при выпуске воспитанниц своим посещением. Беспокоилась, чтобы юноша не рисковал напрасно. Он смотрел на бисерный девичий почерк. И ему казалось, что сама девушка стоит перед ним и заботливо просит, чтобы он берег себя, не бравоировал смелостью. Поскольку понимала, орденами за просто так не награждают. Она писала ему ровные, вежливые письма, тон ее письма сдержанный, без сентиментальности, но сам факт, что девушка пишет ему, заботится о его здоровье, согревал его душу. Он мечтал только об одном, вернуться, припасть к ней, рассказать, как он любит ее. Сейчас он уже не тот робкий юноша. Теперь он закаленный в боях бо-

ещ, возмужавший герой этой войны. Она писала, что работает в госпитале, ухаживает за ранеными. Папа вначале очень возражал, потом убедился, что сама императрица с Великими княжнами ухаживают за ранеными бойцами, смирился и отпустил ее. В это сложное для родины время она тоже, как и подпоручик Котлинский, приносит пользу своему отечеству.

Защитники крепости не подозревали, что весь мир следит за обороной маленькой крепости, никто не верил, что ее защитники смогут выстоять, даже русское командование не могло поверить, поскольку мало кто мог устоять против мощных артиллерийских орудий «Большая Берта», спешили на помощь, старясь прорвать оборону немцев. Комендант крепости генерал-майор Бржозовский послал телеграмму русскому командованию, в которой уверял, что гарнизон не потерял боеспособности и бодрости духа, просил Командующего армией не приносить лишних жертв для освобождения крепости от осаждающего неприятеля, они не сдадут крепость, чем спас не одну человеческую жизнь. Вот его слова, ставшие историей великого русского духа: «Имея ввиду, что на флангах крепости спокойно, артиллерия и гарнизон сохранили обороноспособность, прекрасное настроение духа гарнизона и на то, что несмотря на все попытки неприятеля, нами удерживается Сосненская передовая позиция, осмеливаюсь почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство командующего армией не приносить лишних

жертв для ускоренного освобождения крепости от осаждающего неприятеля». Да и как не удивляться мировому сообществу, крепость Осовец по действующему инженерно-фортификационному ранжиру относится к крепостным сооружениям 3-го класса, крепости более укрепленные и мощные пали, а эта маленькая крепость продержалась полгода. И еще бы продержалась, если бы не угроза полного окружения в связи с отступлением русских войск. Все бельгийские и французские крепости на Западном фронте пали в течение нескольких дней. А мощнейшие цитадели 1-го класса в Ковно и Новогеоргиевске бесславно капитулировали через десять дней после начала штурма. Причем в Осовце построено только четыре форта, в Новогеоргиевске тридцать три форта, в Осовце находились 27 батальонов, в Новогеоргиевске – 67. В Осовце не было тяжелых артиллерийских орудий, потенциал Новогеоргиевска несравненно больше – тяжелых орудий 59, а еще имелись пушки, всего 359 стволов. Все дело в том, кто являлся командиром обороны крепостей. Комендант Новогеоргиевской крепости генерал Бобырь ускакал к немцам, и оттуда распорядился о капитуляции, чего не могли помыслить себе ни генерал Шульман, ни генерал Бржозовский, ни его старшие офицеры, ни молодые подпоручики Котлинский и Стржеминский со своими подчиненными прапорщиками и солдатами. Наряду с высоким подвигом защитников крепости Осовец, была и такая позорная страница в истории первой мировой войны, как бесславная сда-

ча более сильных крепостей. Оборона Осовца сорвала паны немецкого командования на Белостокском направлении по прорыву в стык двух русских армий. Гарнизон крепости почти на год сковал значительные силы немцев.

Воодушевил бойцов крепости и внезапный приезд царя в конце прошлого года. Генерала Шульмана чуть удар не хватил, когда он увидел царя с небольшой группой сопровождающих лиц. Уже тогда знали, что немцы перехватывают переговоры по связи, поэтому генерала не известили о посещении высокой особы.

– Ваше величество, как же вы... – суетился он, – осторожно... нас тут каждый день обстреливают... – залепетал он, понимая, что произойдет, если немецкая разведка разнюхает, что в крепости находится русский император.

Солдаты принимали царя восторженно. Он приказал выстроить гарнизон, произнес краткую речь, и приступил к раздаче наград. Почти все защитники крепости получили ордена и медали. Тогда и получил подпоручик Котлинский орден Святой Анны 3 степени. Вручая ему орден, Государь удивился:

– Какой молодой офицер, и такой смелый.

Комендант генерал Шульман тут же подтвердил:

– Весьма смелый, Ваше величество.

– Вы все же будьте по осмотрительнее, – улыбнулся юноше

Государь.

– Служу Отечеству, – выпалил подпоручик Котлинский,

весьма ошеломленный таким вниманием царя.

Комендант Шульман все поглядывал на небо, не слышно ли стрекота моторов аэропланов и воя снарядов, старался как можно скорее закончить торжественную часть, он тоже получил орден Святого Георгия 4 степени. Царь прошел со своей свитой в один из фортвов, осмотрел артиллерийские орудия, кратко побеседовал с артиллеристами, затем прошел в Покровскую церковь, в которой зияла дыра от прямого попадания снаряда. Он зашел, перекрестился перед иконой Святого Николая Чудотворца, которую подарил этой церкви в свое первое посещение семнадцать лет назад. Спросил священника:

– Страшно бывает при бомбардировке?

– Нет, ваше императорское величество, когда снаряды начали ложиться возле церкви, мне стало скучно, я зашел в храм.

Государь улыбнулся, потрепал за предплечье священника и пошел на выход. Батюшка перекрестил в след Государя, проговорил тихо: «Храни Господь Ваше императорское величество».

Офицеры провожали Императора до безопасного места, где ждал его экипаж к поезду. Возвращаясь назад, Котлинский услышал, как начальник строевого отделения штаба подполковник Свечников проговорил:

– Слаб наш государь, хотя и помазанник Божий. Офицеры не ожидали подобной оценки царя, напряглись. Подполков-

ник Хмельков повернулся и сказал:

– Объяснитесь, господин подполковник.

– Извольте, – нисколько не смутился Свечников. – Будь наш государь более дальновиден, не стал бы ввязываться в эту войну. Англичане волею случая ставшие нашими союзниками, которые полвека вставляли нам палки в колеса, будут воевать с немцами до последнего русского солдата. Да еще мы им должны останемся за поставку оружия. И французы нам союзники никакие. У них нет того людского ресурса, который сдерживал бы немцев, приковал бы значительные силы на своих границах. Они всегда будут ждать помощи от нас. Вот и получится, что все тяготы войны лягут на наши плечи.

– Мы не могли оставить в беде братский сербский народ, – возразил подпоручик Стржеминский.

Свечников скептически посмотрел на него.

– Мы мало чем поможем сербскому народу, а потеряем тысячи убитых солдат и офицеров. Десятки и сотни тысяч покалеченных! Во всей Сербии населения меньше, чем будет погибших и раненных русских. Судя по всему, война продлится еще не один год.

– Европа бы осудила нашего царя, если бы мы остались в стороне. Он не мог поступиться честью, – возразил поручик Ефимов.

– Ничего, стыд не кислота, глаза не выест. Немцы успели подготовиться к войне. А нам нужно еще три года, чтобы пе-

ревести экономику на военный лад. Мы вступили в войну не подготовленными, на фронтах не хватает оружия, снарядов, вынуждены у тех же англичан покупать все в три дорога. Да и наши фабриканты патриоты стараются от них не отстать, — зло проговорил он.

Генерал Бржозовский резко остановился, толпа офицеров чуть не смяла его, повернулся в сторону подполковника Свечникова строго проговорил:

— Прошу, господин подполковник, свои мысли оставить при себе. Обсуждать поступки Государя не вашего ума дело. Не хватало еще, чтобы солдаты и младший командный состав слушали ваши умозаключения.

— Учту, ваше высокопревосходительство! — козырнул Свечников и нагнув голову пошел в сторону крепости.

В офицерской среде разговоры нынешней войне, политике России, конечно, велись, сколько людей, столько и мнений. Порой суждения высказывались нелицеприятные для нынешней власти, но за стены офицерских посиделок во время затишья боевых действий, — не просачивались. Как-то грузинский князь Тугаев, капитан, командир саперной роты во время одного из таких споров с пеной у рта доказывал:

— Зря Россия поддалась уговорам Англии и навязала Персии конституцию, и что из этого вышло?! Персы лояльного России шаха Наср-Эдина свергли, мы там потеряли свое влияние, пролили русскую кровь, теперь у нас под боком враждебное мусульманское государство, зато англичане там пол-

ные хозяева положения.

– Полно вам, князь, вы обижены потому, что ваши предки теперь не могут торговать с Персией, опасаетесь род обеднеет. Причем здесь политика России? – лениво возражал ему подпоручик Стржеминский.

– Молод вы еще! – брызгал слюной князь. – История рас судит нас!

– Не спорте, господа! – останавливал всех подполковник Хмельков. – История, действительно, все расставит по своим местам. В какой то степени я согласен с подполковником Свечниковым: война потребует значительных финансовых вливаний, которых в России нет. Будем брать займы под высокие проценты. Если мы победим, с разоренной Германии взять будет нечего. Если заключим мир, выплачивать долг Англии будет тоже нечем. Как ни крути, война нам не выгодна ни с какой точки зрения. Мы не колониальная держава, чужие земли нам не нужны, своих девать некуда.

– Нам ли, господа рассуждать, что Государю выгодно, а что нет! – укоризненно высказывался пожилой штабс-капитан, который службу начинал еще при Александре П, – наше дело воевать! Честно воевать! А не рассуждать!

И все замолкали. Стыдно перед пожилым человеком показывать свое беспокойство по поводу исхода войны. Дело офицеров – защищать царя и Отечество.

Приезд царя в крепость удивил не только коменданта Шульмана и всех офицеров, он воодушевил защитников кре-

пости. В Европе ранее никто не знал, где находится второстепенная крепость Осовец, не слышал о ней, теперь о защитниках заговорили в салонах и царствующих дворцах, газеты выходили с крупными заголовками о посещении царем крепости и о его защитниках.

Котлинский замер с пером в руке, перебирал в уме события последних месяцев.

Получив отпор, немцы стали ждать зимы, когда замерзнут болота. Дождались. В феврале подкатили самые мощные осадные пушки «Большая Берта» и осадные мортиры «Шкода». Снаряд «Большой Берты» весил восемьсот килограмм, оставлял воронку до пяти метров в глубину и до пятнадцати метров в диаметре. Снаряды «Шкоды» чуть легче, но ничего подобного в русской армии не было, а тем более в крепости. Перед обстрелом и штурмом немцы прислали парламентаря. С передовых позиций взлетела белая ракета, условный знак прекратить огонь. Через передовые окопы прошли три немецких парламентаря с белым флагом. Встретил их подполковник Свечников, выслушал о цели прихода, провел их в подземелье, где находился командный пункт коменданта крепости генерала Бржозовского. Старший по званию парламентарь убедившись, что его понимают без переводчика с апломбом заявил:

– Немецкое командование уполномочило меня предложить вам крупную денежную сумму – полмиллиона имперских марок денег в обмен на сдачу фортов.

Бржозовский от удивления вскинул брови. Он предполагал, что парламентар предьявит ультиматум в обмен на жизнь. Немецкий офицер уловил удивление русского генерала тут же пояснил:

– Это не подкуп, и не мзда. Это те деньги, которые будут потрачены на снаряды, которые наши артиллеристы выпустят по крепости. В случае договоренности, мы не потратим их на производство снарядов, вы спасете жизни своих солдат и офицеров. Если мы не договоримся, через сорок восемь часов мы сравняем эту крепость с землей, она станет вашей братской могилой. Поскольку мы подкатали под стены самое мощное немецкое оружие, против которого не смогла выстоять ни одна крепость.

Если бы тот парламентар тогда знал, насколько немецкое командование продешевило. Они вынуждены будут выпустить снарядов на сумму большую в несколько раз, чем предлагали, не считая потерь техники, убитых и раненых своих солдат.

Бржозовский молчал. От негодования он не мог говорить. Тяжело смотрел на парламентаря. Потом глухо проговорил:

– Вы останетесь в крепости, – показал он пальцем на главного парламентаря. – Если ваши доблестные вояки через сорок восемь часов не возьмут крепость, я вас повешу. Если ее возьмут ваши войска, тогда вы повесите меня.

Парламентар вскочил:

– Это против правил ведения войны! – выкрикнул он.

– Парламентера никто не смеет задерживать.

– Не вам говорить о правилах войны, – громко сказал за спиной подполковник Свечников. – Вы травите на фронтах газами солдат, избегая честного поединка. Я полностью согласен с решением господина генерала. Переводчик и сопровождающий сообщат о решении командования крепости.

Свечников вызвал солдат, велел арестовать парламентаря и посадить его на гауптвахту, которая пустовала со времен начала войны. Переводчика и сопровождающего офицера вывели за пределы форта и направили в сторону немецких траншей.

Участь парламентаря решила сама судьба. На том месте, где расположена гауптвахта, в которой находился в качестве арестанта парламентар, от прямого попадания снаряда мортиры «Школа» осталась глубокая воронка.

И начался сплошной ад. Снаряды летели каждые четыре минуты со всех немецких калибров. Сверху крепость бомбили немецкие аэропланы. Они же сбрасывали на головы защитников листовки, в которых говорилось, что русские не смогут долго сопротивляться германской армии. Предлагали сдаваться на выгодных условиях на милость германского кайзера. Немецкое командование не предполагало, что после такой интенсивной бомбардировки могут остаться живые защитники крепости. А те, кто остался жив, настолько деморализованы, что вряд ли способны к сопротивлению. Из генерального штаба русского командования пришла директива –

просьба продержаться сорок восемь часов. После чего разрешалось выводить войска из крепости. Комендант крепости генерал Бржозовский прочитал телеграмму, вздохнул. Ему бы пушек калибром побольше, он бы показал этим воякам. Превосходство противника в военной технике угнетало, однако комендант решил сражаться тем, что имел в распоряжении. Неделю велся обстрел крепости, во время которой защитникам некогда и порой негде было поспать, поесть и привести себя в порядок. Кирпичные надстройки рассыпались в прах, деревянные перекрытия горели, тушить их некому и некогда, все солдаты заняты на передовой, бетонные перекрытия потрескались, часть осыпалась. Огромные воронки зияли на всей территории. Трудно себе представить степень разрушений. Когда обстрел закончился, никто не узнавал своей крепости, Котлинский не мог сразу найти форт своего друга Стржеминского, трудно ориентироваться в развалинах. Центральный форт, Скобелева гора, Заречный форт, как и обещал парламентар, сравнивали с землей. Сгорело тридцать семь деревянных строений и лесопильный завод, разрушено семнадцать кирпичных зданий, не считая километров проволочных сетей и полностью уничтожена телефонная связь, повреждены форты и капониры, и много других сооружений крепости. Подполковник Хмельков осмотрел разрушенные кирпичные постройки, покачал головой и сделал вывод, что в крепостях не должны строиться кирпичные оборонительные сооружения. А еще на совещании офицеров он

высказал еще одно упущение в сооружении казематов. Воздушная волна после взрывов настолько сильна, что проникая в открытую небольшую отдушину, смогла уничтожить 57-ти миллиметровую капонирную пушку, волна выбивает тяжелую металлическую дверь и калечит воинов. Из своего доклада он сделал вывод: во время артиллерийского налета, необходимо наглухо закрывать бронированными плитами все вентиляционные отверстия. Комендант крепости генерал Бржозовский внимательно выслушал подполковника, велел составить подробную справку и практические выводы из сказанного.

На территории крепости и за ее пределами насчитали более тридцати тысяч воронок. От взрывов в воздух взлетали тонны земли, воды, камней, деревьев. Немцы предпринимали отчаянные попытки овладеть Соснеской позицией и охватить левый фланг. Все атаки отбивались заградительной артиллерией и пулеметным огнем. В свою очередь три батальона русской пехоты ночью совершили вылазку на немецкие позиции, хотели уничтожить тяжелую артиллерию противника, однако атака русских немцы отбили. И все же во время обстрела русские войска провернули не обычную операцию, которую немецкая разведка элементарно проморгала, и которая в некоторой степени решила исход февральского противостояния.

Генерал Бржозовский вызвал подполковника Хмелькова, обратился к нему больше с просьбой, нежели с приказом:

– Сергей Александрович, возьмите несколько человек артиллеристов, езжайте к нашему главнокомандующему, попросите у них хотя бы две крупнокалиберные пушки, скрытно, железной дорогой доставите их сюда, ночью мы переправим их в форт. Нужно прекратить это безобразие с обстрелом форта «Бертами» и «Шкодами». Я уже телеграфировал его высокопревосходительству, в штабе фронта в курсе, препятствий не будет.

– Будет сделано, господин генерал, – козырнул подполковник и без лишних слов преступил к делу. Не прошло и трех дней, как из Кронштадта доставили две сто пятидесяти миллиметровые пушки оружейника Канэ. Генерал Бржозовский довольно потирал руки, проследил, чтобы доставили их в форт ночью, скрытно. Сам присутствовал при первом залпе, помог наводчику как можно точнее навести прицел, приказал в дальнейшем вести огонь только по «Большим Бертам» и «Шкодам». Первые же залпы вывели из строя одну «Шкоду» и две «Большие Берты», поразив при этом артиллерийский расчет. Немецкие артиллеристы и так славились своей слабой подготовкой, благодаря этому многие снаряды летели мимо цели. Тысячи снарядов поглотила река Бобр и болото. А в результате попадания русских снарядов погибли те артиллеристы, которые обслуживали дорогостоящие пушки. В довершении всех невзгод, за этими немецкими потерями взлетел в воздух склад их боеприпасов. Немцы были настолько ошеломлены, что не могли поверить, что их хвален-

ные дорогие пушки вышли из строя. Поскольку считали, что их «Берты» и мортиры, а также склад со снарядами недосыгаемы для русских пушек, а тут не только материальные потери, но и потери в живой силе. «Большая Берта» и «Шкода» стоили огромных денег, немцы спешно отвели их в тыл. Они могли бы уцелевшие «Большие Берты» отвести на недосыгаемое для поражения расстояние, и оттуда вести огонь по крепости, а они увезли пушки глубоко в тыл, и больше они в перестрелке не участвовали. Немцы полагали, что тех разрушений, которые они успели нанести, достаточно, чтобы в крепости осталось очень мало воинов, а те кто остались деморализованы настолько, что не в состоянии сопротивляться. К удивлению защитников крепости, которые находились в фортах, первая траншея обороны русских за пределами крепости при обстреле даже не дрогнули. Еще позволяли себе шутить: «Нехай постреляют, мы хоть выспимся», поскольку во время обстрела немцы не наступали. Снаряды в большей степени летели через их голову в сторону крепости. Немецкие специалисты считали, что после подобного обстрела те, которые не погибли, будут контужены или сойдут с ума, а солдаты с сарказмом повторяли: «Хоть выспимся!». Выдержку проявил полковник Хмельков, он увидел, что первая оборона русских могут не выдержать натиска немцев, окопы мелковаты, стараясь избежать дальнейших потерь, он под обстрелом проник в траншею первой обороны, приказал им отойти ко второй линии обороны, органи-

зовал там успешную оборону. Конечно, от бомбежки потери были огромные, похоронные команды не успевали собирать трупы русских солдат и офицеров, лазареты переполнены, поезда не успевали увозить раненых в тыл. Подпоручик Котлинский встретил своего сослуживца Стржеминского спросил, много ли потерь в его роте? Тот ответил: от роты осталось семнадцать человек. У Котлинского живых чуть больше, потому, что его рота укрыта в глубине форта, когда как рота Стржеминского расположилась на выступе форта, куда снаряды попадали чаще всего. Погибали солдаты не только от прямого попадания снарядов, роты подпоручиков совершали вылазки для контратак, поддерживали бойцов в траншеях. Немцы не зря ждали зиму, надеялись лед скует реку, болото, и водный ров вокруг второго форта, который защищал железнодорожный мост. Дождались. Лед, действительно, сковал поверхность. Только немцы своими же снарядами раскрошили лед во рву перед крепостью, наши пушки довершили дело перед окопами немцев, болото превратилось в смесь грязи и осколков льда. Атака стала почти невозможной. Попытки немцев ни к чему не привели. Крепость к удивлению русского командования фронтом и западных противников, и их союзников устояла. Победа воодушевила защитников крепости, они поверили в себя. Росла злость на немцев, которые продолжали самонадеянно предлагать в листовках почетную сдачу. Призывали солдат убивать своих офицеров, которые не позволяют им достойно сдаться на

милость победителя. Не все так радужно обстояло на фронтах. Чуть потеплело немцы предприняли широкомасштабное наступление. Русский фронт был прорван в Галиции, в Прибалтике. На передовую немцев перед крепостью прибыл император Вильгельм, чем вызвал еще больший переполох среди немецкого командования, чем приезд в крепость русского царя. Кайзеру интересно взглянуть на удивительную крепость, которая не сдается, не склоняет голову перед мощью немецкого оружия.

– Действительно, осиное гнездо, – хмыкнул кайзер, разглядывая в оптику передовые траншеи русских и форты крепости. В переводе с польского Осовец значилась осиным гнездом. И приказал во что бы то ни стало в ближайшее время выкурить русских из крепости.

Весна внесла некую передышку в противостояние противников. Реки разлились, затопили болота, стали естественным препятствием для наступления. Затишье позволило усилить проволочные сети по Центральному форту, возведены новые убежища, позволявшие укрыться от бомбардировок, исправили шоссе, засыпали воронки.

За выдержку и стойкость почти все защитники крепости получили ордена и медали. Подпоручика Котлинского наградили орденом Святого Станислава 4-й степени с бантами и мечом, подпоручик Стржеминский награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с бантами и мечом. Коменданта крепости генерала Бржозовского за умелое руководство обо-

роной наградили орденом Святого Георгия 4-й степени, через месяц орденом Святой Анны 1-й степени с мечами. В наградном рескрипте отмечалось: «...за то, что во время бомбардировки крепости Осовец, командуя всей крепостной артиллерией, а равно войсками первого отдела обороны, находясь под действительным огнем, своими умелыми действиями способствовал отражению атаки на крепость и дальнейшему победоносному наступлению наших войск как со стороны крепости, так и из местечка Гониондз». Подполковник Свечников Михаил Степанович награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Не только офицеры, но многие унтер офицеры, прапорщики и рядовые солдаты, отличившиеся в защите крепости, были награждены орденами и медалями. Сбылась мечта вахмистра Ивана Сенькина, он так же стал Георгиевским кавалером. Сослуживцы напоминали ему, уж теперь то он точно покажет голове своего уездного городка «кузькину мать», придет и выложит тому на стол свои награды. Спросит его, что тот делал в тылу в то время, когда его земляк под снарядами бил немцев.

Котлинский посмотрел на часы. Время приближалось к пяти часам вечера. Он помнил, ему необходимо идти в штаб на совещание. Поискал глазами подпоручика Стржеминского, не увидел его, подозвал прапорщика Бойкова, командира первого взвода, оставил его вместо себя на время отсутствия. Посмотрел в синее небо, нет ли вражеских аэропланов, пошел в сторону штаба. Генерал-майор Бржозовский собрал

офицеров форта и передовых траншей для экстренного сообщения. Он подождал, когда последний офицер доложил о прибытии, обвел всех взглядом, глухим голосом начал свою речь:

— Господа офицеры, я собрал вас, чтобы сообщить о последних данных нашей разведки. Безрадостных данных. Польские крестьяне рассказали, что немцы завезли огромное количество необычных снарядов, которых они ранее не видели. Снаряд величиной с рост человека. Необычность заключается в том, что на конце каждого снаряда находится вентиль. Примерно такой, каким пользуются в домах горожане, и некоторые польские крестьяне, когда открывают воду в ванную. К некоторым вентилям накручен длинный шланг с раструбом на конце. Наши офицеры проверили информацию. Под видом польских крестьян возили продукты на передовую немцев. Сведения подтвердились. Наши аналитики в штабе дивизии определили: это баллоны с ядовитым газом. Немцы уже применяли газ на некоторых участках нашего фронта. Скажу вам, вещь препротивная. От пули уклониться можно, от снаряда спрятаться в окопе или в траншее. От газа укрыться невозможно. Это варварский способ ведения войны, который ранее человечество не использовало. Очевидно, противник полагает, что для достижения цели все средства хороши. Газ состоит из хлора с бромом, попадая в легкие, он тут же вызывает остановку дыхания. Защиту от газа наши ученые придумали, но таких средств защи-

ты в наших войсках пока очень мало. В крепости их вообще нет. Мы запросили наш генеральный штаб с просьбой прислать нам защиту от газа, только когда они нам доставят, — неизвестно. Боюсь, они не успеют в любом случае. Немцы завезли баллоны неделю назад, не применяли потому, что ветер дул не в нашу сторону. А сейчас ветер дует со стороны немецкого фронта в сторону крепости. Поэтому, надо каждую минуту ждать газовой атаки. Полагаю они могут применить газ в ночное время, ближе к утру. Что я могу в сложившихся условиях предложить: вы все сейчас вернетесь в свои подразделения, соберете личный состав, и в случае газовой атаки или даже сейчас предложите достать из вещевых мешков все чистое исподнее белье, портянки, полотенца, намочить их и обмотать ими лица.

Генерал помолчал, пауза затянулась. Наконец он проговорил:

— Я все сказал. С Богом, господа!

Генерал отпустил командиров рот и батальонов. Оставил командиров полков и офицеров штаба.

— Доложите, какими силами на основных направлениях мы будем держать оборону? — обратился генерал к начальнику штаба.

Начальник штаба, молодцеватый полковник, недавно прибывший в крепость, он не присутствовал в крепости при прежних атаках немцев, однако его впечатлили разрушения и воронки, в которую вмещается три воза сена, прошел к

карте, спокойно начал докладывать:

– Передовая позиция крепости Бялогородны – Сосня заняты следующими силами наших войск: правый фланг защищает первая рота Земляческого полка. Центр – девятая, десятая и двенадцатая роты того же полка, плюс рота ополченцев. Левый фланг, у Сосни, – одиннадцатая рота. Общий резерв – рота ополченцев. Таким образом, Сосненскую позицию занимают пять рот двести двадцать шестого пехотного Землянского полка, четыре роты ополченцев.

Генерал слушал, кивал головой, не перебивал. Когда начальник штаба закончил, генерал спросил:

– Соотношение сил за последнюю неделю изменилось?

– Не существенно, ваше высокопревосходительство. Личного состава у противника как всегда на порядок больше, все тот же семьдесят шестой ландверный полк готов атаковать Сосню и Центральный редут.

Восемнадцатый ландверный полк и сто сорок седьмой резервный батальон стремятся пройти по обе стороны железной дороги и прорваться к дому лесника. У них в наличии до тридцати осадных орудий. И как стало известно, до тридцати батарей отравляющего газа. Полковник замолчал, ожидая вопросов. Генерал жестом приказал ему сесть. Угрюмо помолчал, раздумывая над новыми реалиями ведения боевых действий, с чем ранее ему не приходилось сталкиваться.

– Никогда бы не мог подумать, что цивилизованный народ способен на варварский метод ведения войны, – нако-

нец проговорил он. – Свободны, господа офицеры. Проконтролируйте расстановку сил и защиту от возможной газовой атаки, – напутствовал он офицеров.

Генерал в душе все еще не верил, что противник решится применить газ, хотя уже известно, что на некоторых участках фронта немцы газ применяли. Русские войска несли при этом огромные потери.

А младший офицерский состав после совещания некоторое время шли гурьбой, обсуждали, как они будут отражать атаку после того, как газ их минует, сколько защитников может при этом погибнуть, как руководить боем в подобных условиях. Стржеминский шел рядом с Котлинским, высказал догадку:

– То-то я обратил внимание, что немцы притихли, перестали обстреливать, должно быть готовились.

– Плохо, что природа против нас. Ветер дует в нашу сторону, – согласился с ним сослуживец.

И Котлинский, и Стржеминский, и все другие офицеры рот и полков пошли по своим подразделениям, собирали командиров взводов, ставили перед ними задачу. Всех сзывать в одну толпу не рекомендовалось, чтобы единственный снаряд не поразил сразу всех собравшихся.

Котлинский пригласил прапорщиков, фельдфебелей, рассказал им все, что слышал от генерала.

– Вот сволочи немчура, – прогудел вахмистр Сенькин, – не могут честно воевать. Ужо я им... – и сжал кулаки.

– Честно они у нас никогда не выигрывали. Сколько раз нападали и всегда по соплям получали, – дополнил вахмистр прапорщик Богданов, самый долго служащий в этой крепости. Ему не один раз предлагали смениться, он отказывался, говорил, его предки начинали строить эту крепость, и он должен отстоять их творение.

– И на сей раз получают, – согласился с ним Котлинский. – По местам, господа. Проследите, чтобы все прикрыли лицо во время газовой атаки.

Он сам прошел по взводам, останавливался вместе с командирами взводов и отделений в точке их сосредоточения, проникновенно увещевал:

– Не робеть, братцы! Русские воины и не такое видали! Если уж случится воевать в новых реалиях газовых атак, старайтесь переждать эту напасть, крепко защищайте глаза и дыхание мокрыми портянками, полотенцами, газ ветром унесет дальше. Немцы не сунутся, пока газ будет идти в нашу сторону. А там мы свое слово скажем.

– Не сумлевайтесь, ваше благородие, немцы нам за все ответят... – отвечали не по уставному солдаты.

Конечно, не знал тогда никто, насколько газовая атака смертельна для обороняющихся. Наслышаны офицеры от других сослуживцев об ужасной смерти солдат на поле боя, не могли до конца поверить в повсеместное применение запрещенного международной конвенцией ядовитого газа.

В четыре утра шестого августа на русские позиции со сто-

роны немецких траншей потекло темно-зеленное облако газа. Передовые траншеи русских, несмотря на предупреждение, газовая атака застала врасплох. Бодрствовали только часовые, весь личный состав спал. О каком-то не обычном движении на немецких позициях заметил один из часовых, ранее немцы в это время тоже предпочитали отдыхать. Он доложил разводящему, тот разбудил подполковника Хмелькова. Вглядывались в позицию немцев, бинокль в это время бесполезен. Траншеи немцев скрылись в предрассветном темном тумане. Сыграли тревогу, спешно стали обматывать лица смоченными в воде портянками, полотенцами. Мало чего успели предпринять, газ достиг передовых траншей через пять минут. Немцы открыли ураганный огонь из всех артиллерийских орудий. Началась паника. Те, кто выскакивали из траншей и пытались бежать в сторону крепости, погибали первыми, поскольку учащенное дыхание способствовали более быстрому проникновению газа в легкие. Кто остался в окопах старались как можно ниже укрыться от газа, не понимая, что газ тяжелее воздуха, он скапливался в окопах, низинах. Молоденький солдатик выскочил в отчаянии на бруствер, хотел закричать, хватанул отравленного воздуха, схватил обеими руками себя за горло, захрипел и упал навзничь. Еще несколько минут его тело билось в конвульсиях. Солдаты и офицеры умирали в мучениях. Повсеместно слышался надрывающийся кашель, солдаты теряли ориентацию. Пытаясь глотнуть свежего воздуха, воины выползали на бруствер,

не зная, что высота газовой волны достигает пятнадцати метров и шириной до восьми километров. Спасения не было. В бледном рассвете оставшимся в живых открылась страшная картина: трава почернела, листья на кустах и деревьях пожухла, у цветов облетели лепестки, птицы падали на лету замертво, перестали квакать лягушки. Кто-то бросив оружие, амуницию, брел наугад в сторону крепости, которая едва виднелась в утреннем тумане. В крепости наблюдалась такая же картина. Солдаты падали замертво, некоторые оставляли открытыми только глаза, тяжело, с хрипом дышали. Все медные части оружия, бытовых приборов покрывались зеленым налетом окиси хлора. Артиллерийские расчеты оставили свои боевые расчеты, пытались укрыться в закрытых помещениях. Кто-то из них успел, закрылись в помещениях, конопатили щели, поливали двери водой. Не успевшие падали замертво. Три передовые роты Землянского полка погибли полностью. Двенадцатая рота Котлинского, с солдатами которой они накануне тренировались укрывать лицо мокрыми тряпками, так же умирали в мучениях, мокрые полотенца не очень помогали выжить, вид едва выживших был ужасен. Котлинский вылил на голову ведро тухлой воды, которая после дождей сливалась с крыши в бетонные бочки, использовали ее в технических целях. Обмотал полностью голову исподней рубахой. Помогало мало, дышать становилось все тяжелей, он с ужасом наблюдал, как падали без сознания его воины, бились в конвульсиях полдня назад здоровые, жизне-

радостные солдаты, унтера и прапорщики. От общего числа воинов роты еле подавали признаки жизни человек сорок. У подпоручика Стржеминского от трех рот в живых осталось чуть больше, чем у его товарища, около шестидесяти воинов при двух пулеметах. Их спасло то, что некоторые воины успели наглухо забаррикадироваться в казематах. Немцы для верности продолжали ураганный артиллерийский огонь по русским позициям, они обстреливали гарнизон снарядами начиненными хлорпикрином, что добавляло смертоносного газа в воздухе. Погибли свыше тысяча шестисот солдат и офицеров. Оставшихся в живых, если их можно назвать живыми, спешно начал собирать в единую команду комендант крепости Бржозовский. Он тоже обмотал лицо полотенцем, ходил среди едва подававших признаки жизни солдат, подбадривал их. В бинокль видел, немцы готовятся к атаке. Они не скрываясь, встали в полный рост возле своих траншей, полагая, что стрелять по ним со стороны крепости некому. После обстрела немцы выждали несколько минут, чтобы убедиться, что ответного огня не последует. Да и не могло последовать, по их твердому убеждению никого живого в округе не должно остаться. Умирали не только русские воины, умирали польские крестьяне в близ лежащих деревнях, погибал скот и мелкие животные.

Убедившись, что крепость не подает признаков жизни, командование восьмой немецкой армии приказало зачистить крепость. Вот он тот момент, когда они полагали, что теперь

крепость непременно пала. Они подготовили похоронные команды, те с обозами пошли вслед за наступающими солдатами собирать трупы. Четырнадцать батальонов немецкой пехоты, кто в противогазах, кто тоже с полотенцами на лице, а то и вовсе без них, развернувшись цепью, пошли на зачистку территории крепости. Семьдесят шестой полк ландвера стремительно рванул вперед, им не хотелось упускать пальму первенства по взятию крепости. Переступая через трупы русских солдат, добывая подававших признаки жизни, быстро заняли обезлюдевшую позицию передовых русских траншей, не останавливаясь пошли дальше. В итоге попали на территорию, где газ не успел еще улечься, стали массово погибать от своего же газа. Остальные немецкие полки продвигались вдоль железной линии в сторону Рудского моста, захват которого грозил рассечением всей обороны западнее крепости и потерю Сосненской позиции. Генерал Бржозовский понимал, если им это удастся, захват крепости останется делом времени. Он увидел шатающегося подполковника Хмелькова, не приказал, попросил, собрать оставшихся в живых солдат и офицеров и организовать контратаку. Сам скорым шагом, насколько позволял возраст и отравленный воздух, спустился к артиллерийским расчетам, которые лежали неподалеку от пушек, кто умер, кто едва мог шевелить рукой, открывал глаза, все тяжело кашляли, при виде генерала силились встать.

– Вставайте, братцы, – подбадривал генерал. – Не гоже

нам отдыхать в такое время...

Сам подошел к ящику со снарядами, взял снаряд и понес к пушке, затолкал его в патронник. Обессилено присел на лафет, силы покидали его. Артиллеристы видя, что сам генерал является примером мужества, ползком стали собираться у своих расчетов.

– Мы сейчас, ваше высокоблагородие... мы сейчас... – шептали они через силу, поднесли снаряды к пушкам, стали наводить прицел на немецкие траншеи.

Генерал, шатаясь, пошел к другим расчетам.

Подполковник Хмельков, также успевший глотнуть смертоносного газа, коротко обрисовал задачу подпоручикам Котлинскому и Стржеминскому, сам возглавил оставшихся в живых воинов. Подпоручик Котлинский собрал остатки своей роты, не более тридцати еле живых солдат при одном пулемете, к нему примкнули солдаты восьмой и тринадцатой рот, несколько солдат второй саперной роты Стржеминского. Подпоручик Стржеминский собирал остатки саперной роты и резерв добровольцев чуть севернее от роты товарища.

– Не посраим родину! – прохрипел Котлинский. – Вперед!

И оставшиеся в живых, которые никогда уже не смогут быть здоровыми, даже если останутся жить, ринулись в штыковую атаку, пытаясь кричать «Ура!!», кашляя и выплевывая сгустки крови.

Безвестный пулеметчик дополз до своего пулемета, расстрелял по немцам две полные ленты. При зарядке третьей за-
мертво упал на свой пулемет. О силе духа того пулеметчика
всегда вспоминал поручик Ефимов. Он знал, что тот пуле-
метчик не успел даже закрыть от газа лицо, потерял сознание
в первые же минуты газовой атаки, затем очнулся. Нашел в
себе силы доползти до пулемета и дать свой последний бой.

Передовые части восемнадцатого немецкого полка шли на
зачистку крепости довольно беспечно, по их мнению сопро-
тивление оказывать просто некому. В атаку на русские по-
зиции в полный рост пошли четырнадцать батальонов ланд-
вера, около семи тысяч солдат. И вдруг из хлорного тумана
на них обрушилась контратака русских. Вид атакующих был
ужасен. Обезумевшие глаза, лица обмотаны окровавленны-
ми тряпками, хрипы и сгустки крови на гимнастерках атаку-
ющих привел немецких солдат в ужас. Они были настолько
шокированы, что в ужасе без сопротивления кинулись назад,
затапывая упавших своих солдат, повисали на проволочных
заграждениях, которые в свое время были возведены для за-
щиты от русской пехоты. Остатки наступавших рот сумели
выбить противника из занятых позиций. При этом захвати-
ли в плен двадцать пять немецких солдат. Солдаты четыр-
надцатой роты под командованием поручика Тидебеля вос-
становила положение на левом фланге Сосненской позиции
и тоже захватили в плен более пятнадцати немцев. В довер-
шение, по отступающим немецким солдатам стала бить, ка-

залось бы, погибшая русская артиллерия. Генерал Бржозовский лично корректировал огонь.

– Отрежьте огнем общий резерв немцев от основного полка, – приказал он. Затем велел сосредоточить огонь по отступающим войскам.

Немцы бежали, забыв о сопротивлении. И только оставшийся в немецкой траншее резерв вел стрельбу по наступавшим русским. Подпоручик Котлинский в пылу атаки вскочил на бруствер немецкой траншеи, пуля попала ему в грудь, пробила его записную книжку, куда он собирал сведения о своих солдатах и младших унтер офицерах, он упал, и первым возле него оказался вахмистр Сенькин.

– Что же вы... ваше благородие... – сокрушенно прохрипел он, искал глазами сослуживцев, окликнул солдата из соседней роты. – Помогите... – через силу прокричал он.

Солдат ринулся в его сторону. Пуля догнала его раньше, он упал, не добежав до воронки несколько шагов. Вахмистр собирая последние силы, потащил Котлинского в воронку от снаряда. Разорвал на груди гимнастерку, отбросил в сторону пробитую и залитую кровью записную книжку (поэтому мы никогда и не узнаем имена многих защитников крепости), сорвал со своего лица полотенце, постарался зажать рану, остановить кровь. Котлинский очнулся, открыл глаза.

– Как там? – беззвучно спросил он одними губами.

– Дали им перцу, вы помолчите, ваше благородие, мы унесем вас...

Вахмистр выглянул наружу. Русская контратака приостановилась, солдаты залегли, чтобы не попасть под огонь своих батарей. Увидел подпоручика Стржеминского, замахал руками, тот ползком скатился в воронку.

– Все, Станислав, отвоевался, – произнес тихо, тяжело дыша, Котлинский, – Продолжай атаковать. Прими командование на себя.

– Держись, Володя, я сейчас организую, чтобы тебя в лазарет, – засуетился Стржеминский.

Котлинский едва махнул отрицательно рукой, он понимал, все обессилены, отравлены, санитаров нет, некому нести его тело, собрал последние силы, сказал:

– Подполковника Хмелькова уведите с передовой, погибнет... – и впал в беспамятство. Вахмистр от бессилия закричал зубами. Стржеминский приказал оставаться вахмистру возле подпоручика, выполз из воронки, поднял залегших солдат и ринулся в последнюю в этом бою атаку. Солдаты под его командованием выбили немцев с первого и второго участка Сосненской позиции. Помнят ли предки, как около ста отравленных газами русских воинов обратили в бегство около семи тысяч немецких солдат? Должны помнить! Несмотря на замалчивание советских идеологов, которые семьдесят лет находились у власти. Мы бы и о Брестской крепости не узнали, если бы не немецкие документы, которые год спустя обнаружили у захваченных в плен немцев.

Противник занял позицию у деревни Леоново, возникла

угроза нежелательной группировки немцев вблизи русских позиций. Подполковник Хмельков собрал остатки трех рот, а также ополченцев, приказал прапорщику Тидебелю выбить немцев из занятой позиции. С большими потерями немцев выбили. Помогла артиллерия, огонь которой генерал Бржозовский приказал сосредоточить на отступающих немцах.

Котлинский скончался до прибытия санитаров. Вахмистр Сеньков прикрыл ему глаза, горестно проговорил: «Что же вы, выше благородие, совсем мальчик, пожить еще не успели...», и заплакал. Сжал кулаки, подхватил свою винтовку и ринулся вслед за атакующими. И дальше его следы теряются. Погиб ли он в том бою, или позже, осталось тайной. Как и тайна тысяч и тысяч погибших воинов в той войне, о которой не любили вспоминать все последующие семьдесят лет. Чуть позже подпоручик Стржеминский стоял над телом своего боевого товарища, шептал:

– Наша взяла, Володя... Ты бы видел, как горстка наших еле живых солдат гнали этих вояк... И всегда гнать будем... Эх, не увидел ты этих минут! Мы отомстим за тебя, Володя... отомстим!..

Когда все стихло, комендант крепости генерал-майор Бржозовский обошел остатки своего гарнизона, молча каждому пожал руки, слова здесь бессильны, он знал, могли погибнуть все, если бы не случай, газ благодаря сырому утру большей массой скапливалась в низинах болот, а перед крепостью газ скопился во рву с водой, и только через некото-

рое время ветер пригнал газ чуть меньшей концентрации за стены фортов. И тем не менее погибло свыше тысячи шестисот солдат и офицеров. Он так же знал, что первыми жертвами газов стали разведывательные партии и секреты, затем солдаты и офицеры первой и второй траншеи. Потери невозполнимые.

Позже, уже в более торжественной обстановке комендант крепости Бржозовский собрал на разбитой снарядами площади остатки гарнизона, произнес проникновенную речь, благодарил от имени государя императора и командования гарнизона солдат и офицеров за стойкость и мужество, что не посрамили русского оружия, наградили всех оставшихся в живых и погибших. Он зачитал телеграмму Государя, в которой говорилось: «Выражаю самую горячую благодарность всему личному составу доблестного гарнизона Осовец». Подпоручика Котлинского посмертно наградили орденом Святого Георгия 4-й степени, подпоручик Стржеминский стал Георгиевским кавалером. Генерал велел всем, кто пострадал от газов готовится к отбытию в тыл в госпиталь. К нему подошел подпоручик Стржеминский, попросил:

– Ваше высокоблагородие, разрешите мне остаться в крепости. Хочу отомстить за своих боевых товарищей сполна.

Генерал посмотрел на него, проговорил:

– Вам нужно подлечить легкие. Подлечитесь и возвращайтесь. Сочту за честь воевать с такими офицерами, как вы, Станислав Максимилианович, – чем не мало удивил подпо-

ручика, который не предполагал, что генерал может помнить его по имени и отчеству.

Он поблагодарил генерала, и тот пожал ему на прощание руку.

Самые тяжелые минуты генерал Бржозовский испытал, когда в крепость за останками сына приехала мать подпоручика Котлинского. Больно смотреть на убитую горем женщину, у которой погиб единственный сын. Ее и гроб провожали на вокзал всем полком, почетный караул сопровождал лафет на котором разместили гроб, оркестр играл траурную мелодию, генерал стоял с непокрытой головой, единственными словами, которые он смог произнести на прощание, были: «Гордитесь своим сыном, Наталья Петровна. Родина не забудет его, как всегда о нем будем помнить мы, его боевые товарищи». Мать увезла прах сына на родину, в Псков.

В крепость прибыло пополнение воинов взамен раненых от пуль и с пораженными легкими от газов. Прибывшие воины разглядывали воронки и разрушения, не могли поверить, что остатки гарнизона обратили в бегство превосходящего численностью противника. Генерал Бржозовский напутствовал их превзойти по героизму своих предшественников, которые ценою жизни удержали крепость. Только защищать крепость им уже не пришлось. Крепость оказалась под угрозой окружения, поскольку русские войска отступили, немцы захватили Ковно и Новогеоргиевск. Они так же продвинулись еще дальше в Галиции. Оборона крепости теряла вся-

кий смысл. Генерал Бржозовский получил приказ командования оставить крепость. Восемнадцатого августа началась эвакуация защитников крепости Осовец. Эвакуация техники производилась под секретом от немцев, ночью грузили на платформы пушки и другое оружие. Днем эвакуацию незаметно провести не удалось бы, аэропланы бомбили дороги, на которых русские попытались было вывезти имущество крепости. Чуть позже железная дорога на Белосток немцами была перерезана. Вывозили имущество по оставшейся шоссейной дороге. Лошадей не хватало, артиллеристы сами впрягались в веревки и тянули за собой пушки. Инженерные, продовольственные и прочие грузы вывозили на автомобилях и подводах. Все, что не успели вывезти, комендант приказал взорвать. Генерал Бржозовский приказал начальнику инженеров крепости и саперной роте собрать все взрывчатые вещества и заложить их под основание всех фортов и казарм. К 23 августа в фортах осталось всего две роты саперов и артиллеристы при четырех 150-мм пушках. Они вели по противнику интенсивный огонь, чтобы ввести немцев в заблуждение, скрыть отсутствие пехотных полков в крепости. Генерал Бржозовский, подобно капитану погибающего корабля, покидал крепость последним. Он подошел к поджидавшим его саперам. Тягостное молчание повисло в воздухе. Смотрели на полуразрушенную, осиротевшую, и непобедимую крепость. Генерал вздохнул, перекрестился, сам повернул ручку взрывного устройства. Под ногами дрогнула земля. Гру-

ды земли, камней, бетона и железной арматуры взлетели в воздух. Грохот эхом отдавался далеко за пределами крепости. Крепость Осовец перестала существовать. Генерал снял фуражку, минуту помолчал, еще раз перекрестился. Саперы последовали его примеру. Он оглянулся на саперов, проникновенно проговорил: «В развалинах взрывов и пепле пожаров гордо упокоилась сказочная твердыня, и мертвая она еще страшнее врагу, всечасно говоря ему о доблести защиты. Спи же мирно, не зная поражения, и внуши всему русскому народу жажду мести врагу до полного его уничтожения. Славное, высокое и чистое имя твое перейдет в попечение будущим поколениям. Пройдет недолгое время, залечит Мать Родина свои раны и в небывалом величии явит миру свою славянскую силу, поминая героев Великой Освободительной войны, не на последнем месте поставит она и нас, защитников Осовца».

Саперы еще раз перекрестились, и нарушая уставной строй, пошли в сторону тыла своей армии. Из защитников Осовецкой крепости был сформирован отдельный корпус, которым продолжал командовать генерал – лейтенант Бржозовский.

Два дня немцы не решались вступить на территорию крепости. Им все казалось, что тишина опять взорвется ответной атакой. С большой опаской передовые разведывательные части проникли на территорию крепости Осовец. Не обнаружили ни одного русского солдата, никакой техники, только

разрушенные форты и искореженные взрывами пушки, которые не смогли забрать с собой артиллеристы.

Послесловие

И все же один человек, русский солдат, на территории крепости остался.

Так гласит легенда. В середине 20-х годов в прессу просочилось сенсационное сообщение. Польские власти решили разобрать завалы Осовецкой крепости, расчистить вход в подземные казематы, в которых во время войны хранили продовольствие и обмундирование. Когда расчистили вход, оттуда раздался окрик: «Стой! Кто идет?». Представляю реакцию тех, кто первым спустился в подземелье. Выяснилось, что при взрыве уходившими русскими войсками засыпало подземный каземат, забыли снять часового, который охранял склады с продовольствием и обмундированием. Через девять лет он услышал человеческую речь. Часовой никого не хотел впускать, требовал привести разводящего или приказ самого государя императора. Ему объясняли, что война давно закончилась, царь погиб, нет того государства, которому служил часовой. Нет кайзера и германской империи, исчезла с карты австро-венгерская империя, с которыми воевала Россия. Теперь крепость Осовец находится на территории другого государства – Польши. Часовой после долгих переговоров сложил оружие и вышел на свет, он сразу же

ослеп от яркого солнца. Перед взором польских солдат предстал человек, у которого борода выросла до колен и волос на голове до пояса. Позже его, якобы, передали советской стороне. Красивая история, подтверждающая силу духа и стойкость русских солдат. Если эту историю выдумали, все равно ей охотно верили, помня, что пережили защитники Осовецкой крепости, которых засыпали бомбами и снарядами, травили газами, но крепость стояла и не сдавалась. Автору этих строк кажется все это красивой легендой, поскольку трудно поверить, что психика человека может выдержать в кромешной тьме девятилетнее заключение в склепе, где температура в течение года вряд ли поднималась выше десяти градусов. И если продуктов одному человеку, рассчитанному на полк, могло хватить на десятилетие, то как быть с водой? Вода могла протухнуть, если там не было какого либо подземного колодца. Можно ли не мыться девять лет человеку? Может ли выдержат организм, если девять лет питаться одними консервами? Ведь если там имелся запас макарон и крупы, не было огня, на котором можно приготовить. К тому же описывается, что часовой боролся с расплодившимися крысами, которые все бы запасы съели. Он боролся с ними как мог, убивал их сотнями, возникает вопрос: куда он складывал тушки, которые разлагались и тоже не добавляли аромата воздуху. И вши? С которыми не могли справиться солдаты наверху в условиях более лучших, чем в подземелье. И, извините за подробность, куда часовой справлял нужду? Был

ли для этого туалет? Сомневаюсь. За девять лет в темноте даже отдаленный уголок подземного каземата превратится в зловонную жижу, поскольку по стенам стекала влага, которой, якобы и утолял жажду боец. А как может выдержать психика человека, которому объявят, что он охранял склад несуществующей страны, что царь и все его дети, жена, родственники убиты, в его стране властвует некий генеральный секретарь партии.

Первыми о русском часовом написали польские журналисты в газетах «Курьер варшавски» и «Курьер поранны», затем эти статьи перепечатали многие газеты районного значения. Писали, что забыли часового в спешке отступления. Хотя мы знаем, спешки никакой не было, эвакуировались планоно, несколько дней, увозили имущество и военную технику. И все газеты, которые перепечатывали статью о бессменном часовом, не удосужились назвать его имя, откуда он, кто его родные, как они встретили его, считая погибшим? Упоминалось, что он, якобы, родом из Кубани, другие источники указывали, что он родом из деревни Белый Колодезь в Курской области, и более никаких сведений о его личности. Неужели сейчас нельзя найти в архивах те первые польские газеты, которых никто не может прочитать в наше время?

И все равно легенда красивая, в которую хочется верить, подтверждающая, что русский солдат тверже камня и крепче стали. И такому солдату, если такой случай имел место быть, нужно поставить памятник, чтобы молодое поколение могло

гордится мужеством своих соотечественников.

А что стало с остальными известными участниками обороны Осовецкой крепости?

Первый комендант Ососвецкой крепости во время войны генерал – лейтенант Карл-Август Александрович Шульман, родился в Гельсингфорсе в 1861 году. Получил образование в Техническом училище морского ведомства, после чего его зачислили во 2-е военное Константиновское училище, окончил в 1881 году, выпущен со званием подпоручик, направлен в армейскую пехоту. Позднее с успехом окончил Николаевскую академию Генерального штаба, за успехи в учебе был произведен в штабс-капитаны. Успешно продвигался по служебной лестнице, в 1906 году произведен в генерал-майоры. За несколько лет до войны служил начальником штабов Керченской, Севастопольской и Кронштадтской крепостей. Так что опыт руководителя крепости он приобрел задолго до начала войны. В 1909 году его назначили комендантом Осовецкой крепости. Кавалер выше перечисленных орденов. С 1915 года генерал – лейтенант Шульман был назначен командующим 30-й пехотной запасной бригадой, с 1916 года командовал 102-й пехотной дивизией. Скончался в 1918 году. Причина смерти не ясна. Все же в год его смерти ему только исполнилось 57 лет. Не самый пожилой возраст. Видимо жизнь крепко потрепала его. Пережить такую страшную войну не каждому суждено. Да и год 1918 навевает на

грустные мысли. Не один царский генерал пострадал от новой власти.

Бржозовский Николай Александрович, дворянин, умница и боевой генерал, прошел все войны, в которых участвовала Россия, родился в 1858 году в Тверской губернии. Окончил Полоцкую военную гимназию и 2-е военное Константиновское училище, какое в свое время окончил и генерал-лейтенант Шульман, начал службу прапорщиком, закончил генерал-лейтенантом. С честью выдержал оборону крепости. Говорил: среди солдат и офицеров гарнизона трусов, паникеров и предателей нет. Покинул крепость последним по приказу командования из-за сложной военной обстановки на фронтах. Далее, командир 44 армейского корпуса, после свержения царя комендант Свеаборгской крепости. Он не принял революцию и переворот большевиками, примкнул к белому движению, назначен начальником гарнизона Архангельска и его окрестностей, заместитель генерал-губернатора Северной области. 20 апреля 1920 года эмигрировал в Норвегию, затем переехал в Югославию, был директором инвалидного дома, затем сам проживал в инвалидном доме в нынешней Черногории. Умер предположительно в октябре 1930 года. Полагаю его имя должно быть вписано золотыми буквами в ряд с теми героями, которых мы почитаем ныне. И не только его, а всех защитников крепости Осовец.

Свечников Михаил Степанович, 1881 года рождения, уроженец Усть-Медведицкой станицы войска Донского в се-

мье офицера, дворянин. Подполковник Русской императорской армии. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В 1911 году окончил Академию Генерального штаба. Участник похода в Китай, русско-японской войны. С апреля 1913 года начальник строевого отделения штаба Осовецкой крепости, с сентября того года старший адъютант штаба. Свечников принял революцию, в мае 1917 года вступил в ряды РСДРП(Б). Активно участвовал в штурме Зимнего, возможно благодаря его военному опыту, Зимний был взят быстро и без потерь. Участник гражданской войны, командовал 1-й Петроградской стрелковой дивизией, а так же Каспийско-Кавказским фронтом, Сводной стрелковой дивизией и так далее. Военный руководитель Кубанско-Черноморского областного военного комиссариата. С 1934 года начальник кафедры истории военного искусства в Военной Академии имени Фрунзе. Советская власть сполна отблагодарила военного спеца, перешедшего на их сторону. В декабре 1937 года его арестовали, в 1938 по личному распоряжению Сталина и Молотова расстреляли. Похоронен в Коммунарке. Реабилитирован в 1956 году. С высоты прошедшего времени не могу понять поступка блестящего, храброго офицера. Чем могла так увлечь коммунистическая идеология человека, офицера родившегося не в бедной семье, получившего все от той, прежней власти: образование, звания, почет, ордена, после чего он решил перейти на сторону большевиков, активно боролся против своих бывших сослуживцев. Могу

понять крестьянина, которому сулили землю, рабочего, которому обещали фабрики и заводы, не могу понять таких, как подполковник царской армии Свечников, который сделал блестящую карьеру, имел все, чего не имели многие другие революционеры. Впрочем, не один он такой. Сотни генералов и офицеров переходили на сторону красных. Участь многих из них оказалась незавидной.

Сергей Александрович Хмельков, не только храбрейший воин, который во время боев за цитадель руководил обороной на подступах к крепости, отразил все наиболее мощные атаки немцев, был дважды контужен и отравлен газами, но именно благодаря ему в Советской России вспомнили про оборону Осовца, о героизме русских солдат. В 1939 году он выпустил книгу «Борьба за Осовец». Молодые советские офицеры впервые узнали про героизм русских солдат, советская власть не очень охотно вспоминала все, что связано с царским временем. Жаль, что в книге очень подробно описаны инженерные сооружения, атаки немцев, и стойкость русских воинов, но при этом нет ни одного имени. Даже комендант крепости характеризуется как выдающийся руководитель, некий символ без звания и фамилии. Такое было время. В 1911 году С.А.Хмельков окончил Николаевскую инженерную Академию. После гражданской войны преподавал в Военно-Инженерной академии. Он один из первых выдвинул идею отказаться в современных условиях от обороны опираясь на крепости, взамен предложил форти-

фикационные оборонительные сооружения, получившие наименования укрепленных районов. Возможно, знания фортификации спасли его от репрессий. Скончался в 1945 году в звании генерал-лейтенанта инженерных войск. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Котлинский Владимир Карпович, юноша, 21 года от роду, досрочно окончив военное училище в связи с началом войны, по распределению командирован в 226-й пехотный Землянский полк, который был направлен в Осовецкую крепость. Командовал 13-й ротой, как писали газеты и вспоминали однополчане, он не знал страха и не ведал чувства самосохранения. Он командовал ротой во время «Атаки мертвецов», по всем правилам военного искусства сумел выбить противника из занятых позиций, захватил в плен 25 немецких солдат и офицеров, получил смертельное ранение. К своим Орденам Святой Анны 3 и 4-й степени, святого Станислава 4-й степени с мечами и бантом, он посмертно награжден Орденом Святого Георгия 4-й степени. Кто может похвастаться в 21 год подобными боевыми заслугами?! Земляки не забыли своего героя. В городе Пскове одна из улиц названа его именем. К столетию его подвига в Пскове открыт памятник «Землякам солдатам первой мировой войны», где в собирательном образе воина отражены черты уроженца Пскова Владимира Котлинского. На сохранившейся фотографии на нас смотрит симпатичный, спокойный, молодой человек, не ведавший в ту минуту, что ему уготована

короткая, но яркая жизнь, о нем будут помнить потомки. Он шагнул в вечность.

Стржеминский Станислав Максимилианович, 1893 года рождения. Родился в семье польского дворянина и подполковника русской императорской армии Стржеминского Максимилиана Бенедикта. Мать – польская дворянка Ева Розалия. В повести указано, каким образом молодой подпоручик оказался в крепости Осовец, как он отличился в боях при обороне крепости, стал Георгиевским кавалером. Интересна дальнейшая судьба молодого офицера. После ухода из крепости подпоручик Стржеминский сражался на фронте под Першаями. Во время минометного обстрела русских позиций, 7 мая 1916 года мина попала в траншею, где находился подпоручик. Он получил тяжелейшее ранение. Ему пришлось ампутировать полностью правую ногу и левую руку по локоть, поражены глаза, только один глаз удалось спасти.

Так Георгиевский кавалер, молодой, подающий надежды офицер в 21 год стал полным инвалидом. В госпитале он встретил Катаржину Кобро, которую знал ранее, до войны. Она стала его женой, они вместе организовали в Смоленске группу молодых художников от министерства культуры молодой республики Советов. В 1922 году он с женой переезжает в Польшу, где разрабатывает новое течение в искусстве – «Унизм» в живописи. Во время войны проживал в Лодзи, Польша оккупирована немцами, его не тронули, благодаря немецким корням жены. Да и что было взять с полного

инвалида. После войны преподавал в художественной школе, затем приказом министерства культуры был отстранен от преподавания с формулировкой – «За несоответствие догмам социалистического реализма». В советской России поступили бы жестче: если бы не расстреляли, то посадили бы точно. И не посмотрели бы, что инвалид. А наличие Георгиевского ордена только усугубило бы ситуацию. Умер герой крепости Осовец в 1952 году, и было ему всего 59 лет. Пережил жену на один год. Похоронен в Лодзи, могила до настоящего времени ухожена и почитаема жителями города. Академия изящных искусств в Лодзи носит имя Стржеминского. Его работы предоставлены в собраниях Государственного Русского музея и Самарского областного художественного музея. В городе Вилейка установлена скульптурная композиция посвященная памяти героя первой мировой войны подпоручика Стржеминского Станислава Максимилиановича.

Историкам необходимо было бы установить имена многих защитников крепости. Их героизм не имеет аналогов в русской истории. Имена, конечно, бы сохранились, не случись дальнейших событий. Гражданская война и последующая власть не стремилась героизировать солдат и офицеров царской армии. Хотя в русской истории аналогичный героизм по защите крепости все же случился. Опять таки, через двадцать шесть лет в четыре часа утра те же немецкие сол-

даты, многие из них участники первой мировой войны, наткнулись на крепость в городе Бресте, которая вовсе не была предназначена для длительной обороны. Она служила солдатам казармой и складом для стрелкового оружия. К тому времени оборонное значение крепостей утратило свое назначение, поскольку появились более мощные пушки, танки, самолеты. И хотя крепость продержалась только месяц, это не умаляет мужества русских солдат. Потому что, продержаться целый месяц против превосходящих сил противника в тех условиях, в которых оказались застигнутые врасплох воины, – это героизм, выше которого нет ничего на этом свете. Сражались они в условиях гораздо худших, чем их братья и соотечественники в крепости Осовец. Во-первых, Осовец не был окружен, в крепость поступало продовольствие, оружие, боеприпасы, медикаменты, солдаты сменяли друг друга, чего были лишены защитники Брестской крепости. Во-вторых, крепость Осовец изначально готовилась для обороны, стены укреплялись бронированными листами, бетоном, на фортах стояли пушки и пулеметные гнезда. В Брестской крепости пушек не было. Крепость с первых дней войны осталась в глубоком тылу немцев, которые перекрыли выходы из крепости, лишив защитников самого элементарного: воды, еды, медикаментов, боеприпасов. В-третьих, советское командование не знало, что гарнизон крепости не сдался и сражался до последней возможности. Вряд ли чем они могли существенно помочь, но все же сбросить продоволь-

ствие и боеприпасы из самолетов они смогли бы, как это позже делалось по доставке оружия и продовольствия партизанам в тылу немцев. Уже в первые дни войны, несмотря на эйфорию немцев на других участках фронтов, они столкнулись с непомерным мужеством русских воинов, который многих из них заставил задуматься: не повторится ли история, когда немецкие рыцари, тевтоны, ландверы, вермахт нападали на Русь и Россию, и бесславно проигрывали баталии.

Мы, россияне, по праву помним и чтим героизм наших отцов, дедов и прадедов в годы Великой Отечественной войны. Ценой невероятных усилий они защитили свою Родину, позволив жить следующему поколению под мирным небом. Но мы так же не должны забывать героизм наших пра-пра-прадедов, которые проявляли такой же героизм, так же отстаивали свободу своей Родины, дав возможность родиться нашим дедам и отцам, которые через двадцать лет так же защищали свою Отчизну.

Жила-была девочка

Жила-была девочка. Не красавица и не дурнушка, не высокая и не низкая, не худая и не толстая, усредненная девочка, которую пять раз на дню в толпе встретишь и не заметишь. Тихая, скромная, ее и в школе не замечали. Серенькая мышка, живущая в каком-то своем мире. Даже имя у нее необычное – Эльвира. Хотя никто полным именем ее не называл. Дома к ней обращались проще – Эля, и все так к ней обращались. Когда парни в школе ее задевали, она недоуменно смотрела на них, и не совсем на них, а как бы сквозь них. Отчего они терялись и старались побыстрее отстать. Ее не напрягали общественными поручениями, она с четвертого класса отказалась собирать металлом и макулатуру, мотивируя тем, что ей нужно беречь пальцы. Поскольку занималась в музыкальной школе по классу фортепиано. Училась она не плохо, хотя пятерками учителя ее не баловали. Постепенно на нее и вовсе перестали обращать внимание, не напрягали общественными нагрузками, за это ее не принимали в комсомол. Дома даже отец недоумевал: «Как же так?! Все молодые люди давно комсомольцы, только разгильдяи вне комсомола. В их числе моя дочь!» – «Папа, все инженеры вашего завода коммунисты, а ты нет, почему?» – парировала дочь. Отец замалчивал ответ, видимо, что-то мешало ему подать заявление на вступление в ряды КПСС. Эля

из обрывков разговоров в семье знала, у отца есть старший брат, который после революции уехал в Сербию. Как он там оказался и почему, ей не говорили. О нем старались никогда не вспоминать. Только бабушка часто плакала в определенные дни, ходила в церковь и ставила свечку за здоровье. Над семьей витало чувство непонятной ей вины, которое они старались загладить хорошей работой. Возможно, Эля выработала с детства, подражая родителям, вести себя тихо, бабушка часто повторяла: «Не высовывайтесь...». Поэтому, и в школе она старалась меньше общаться со сверстниками.

«Не от мира сего...» – тихо говорили о ней. Она параллельно училась в музыкальной школе не один год, подавала большие надежды как пианистка. Знали об этом только родители и ее педагоги в музыкальной школе. Она ходила по земле никого не замечая, погруженная в свои мысли, в ее голове звучали мелодии концертов, симфоний и прочей классической музыки. Заметили ее на новый год, когда силами учеников учителя устроили концерт. Ученики на фоне большого портрета товарища Сталина читали стихи, пели песни, строили пирамиды, в конце попросили Элю сыграть на пианино патриотическую мелодию. Эля вышла к инструменту, села за старенький рояль, немножко подумала и, вместо патриотической музыки, исполнила первый концерт Моцарта. Она играла так самозабвенно, так вдохновенно, что ученики, далекие от понимания классической музыки, сначала следили за порханием ее пальцев по клавишам, затем прониклись

музыкой и даже малыши перестали бегать по залу. И учителя не вспомнили, что просили исполнить нечто патриотическое. Когда прозвучал последний аккорд, девушка встала и поклонилась. Ученики пару секунд смотрели на нее, не могли поверить, что в этом тихом создании живет такая музыкальная мощь, потом одарили аплодисментами, какими не одаривали другие номера. Смущенная девушка спустилась в зал, к ней тут же подошел ученик шестого класса Борис Сырбу, парень рослый, он два года не учился, теперь наверстывал упущенное, хотя по годам сверстник, который ранее ее не замечал, восхищенно, с легким молдавским акцентом, произнес:

– Слушай, Райнова, я знал, что ты ходишь в музыкалку, не предполагал, что так серьезно, – и чуть понизив голос, признался: – я ведь тоже Моцарта разучивал.

Эля недоуменно взглянула на него. Ведь Сырбу музыкальную школу не посещал, никогда не проявлял себя, как музыкант.

– На чем разучивал? – спросила она.

Посмотрела в его сливово-карие глаза. Его тоже она ранее не замечала, хотя парень видный, не по годам рослый. Вернее, натыкалась на него в школьных коридорах, но не интересовалась, как его зовут, обходила стороной. Хотя видела, девочки старших классов на него поглядывали. Раньше девочки и мальчики учились отдельно, в разных школах. Мальчишеская гимназия пришла в негодность, ремонта в ней не бы-

ло со времен революции, во время гражданской войны крышу пробил артиллерийский снаряд. Крышу залатали, видимо не совсем качественно, дождей она уже не держала. Мальчиков объединили с девочками.

– На скрипке, – мотнул головой парень. Бесцеремонно взял ее под локоток, отвел в сторону, признался:

– Меня дядя на скрипке учит. Мы хотя и молдаване, но по маминой линии во мне течет четверть цыганской крови, – признался парень. – Дядя говорит, с такой родословной стыдно не уметь играть на скрипке. Вот он и учит меня на дому. Я уже освоил все румынские и молдавские народные мелодии. Решил самостоятельно выучить что-то из классики. Но я не знаю нот. Поможешь? Эля осторожно освободила локоток, слегка отодвинулась. Жгучие смольные волосы, темные глаза, смуглая кожа не оставляли сомнений о его национальности, только он никогда в школе не говорил о цыганской крови. Все знали, его родители молдаване. Они жили в молдавском селе, который до сорокового года находился под румынской оккупацией. Парень закончил четыре класса румынской церковно-приходской гимназии, отец отправил его в Одессу к брату жены, чтобы он продолжил образование. В одесских школах учились дети многих национальностей: молдаване, греки, украинцы, евреи, русские, болгары, гагаузы. Никто никогда не выяснял в классе, кто есть кто по национальности, все говорили по-русски. И только в семьях говорили на родном языке. Или если в одном дворе жили се-

мьи разных национальностей, дети могли выучить язык друг друга. Так Эля с детства знала молдавский язык лучше, чем свой болгарский, на котором ее родители говорили крайне редко. В соседской молдавской семье росли три девочки, с которыми Эля провела все детство, и конечно, она наравне с ними говорила по-молдавски. Родители Эли родом из болгарского села, что на Дунае, они в двадцатых годах бежали из оккупированной Бессарабии на территорию Советской России, отец единственный из села, кто поступил в киевский институт, выучился на инженера, получил назначение на завод в Одессу.

– Приходи, – просто сказала она, нагнула голову и пошла в сторону выхода.

И Борис Сырбу зачастил в дом к Эльвире, они вместе разучивали ноты, постигали гаммы, диезы и бемоли, подыгрывали друг другу, он на скрипке, она аккомпанировала ему на пианино. Мама Эли знала дядю Бориса, который работал на «Приво́зе» в скобяной лавке, поэтому приняла его доброжелательно. Бабушка, мать отца, сначала подозрительно посматривала на парня, говорившего с явным молдавским акцентом, с цыганскими замашками, затем убедилась, парень одержим музыкой, перестала коситься и опасаться, что в один прекрасный день он обкрадет их. Мать Эли на это отвечала: «Да что вы, мама, у нас и воровать-то нечего». Отец приходил вечером с работы, уставший несколько раздраженный. Борис торопливо здоровался и собирал ноты. Отец из

под очков смотрел на парня, кивал, неторопливо мыл руки, садился ужинать. Перед этим всегда открывал газету, просматривал заголовки, откладывал газету в сторону, неторопливо ел.

– Твой жених? – спросил у дочери, кивнул в сторону выходной двери.

– Ой, тоже, скажешь папа... – возмутилась дочь.

Мать тоже не поддержала шутливого тона мужа.

– Георгий, девочка занимается с Борей по музыке, – пояснила она. – У него очень хороший слух. Мелодии схватывает на лету.

– Да, да, – отрешенно кивал головой отец, принимался за еду. Затем мать убирала тарелки, муж снова садился с газетой, и теперь уже внимательно читал все статьи.

– Что, отец, пишут, будет война? – спрашивала жена.

– Ну что ты, Нина, какая война?! С немцами у нас договор. А кто еще осмелится напасть на нашу державу?! – и посмотрел на жену поверх очков.

– Румыны все не могут простить потерю Бессарабии, – напомнила мать.

– Да какие из румын вояки! Ты вспомни, как они сдали Бессарабию?! Почти без единого выстрела. Не полезут они. Да и к тому же они союзники Германии. А с немцами у нас мир, – напомнил отец.

– Вот и славно! – облегченно вздыхала мать. – А то только оправились после всех передраг.

— А этот парень, который ходит к нам, воспитанный мальчик? — спросил муж.

— Да, хороший мальчик. Он племянник Фанела Мунтяна, что на «Приво́зе» в скобяной лавке работает. Я иногда захожу в лаку, купить что-либо по мелочи. Мы выяснили, что наши дети учатся в одной школе, теперь здороваемся с ним, как давние знакомые. Он иногда интересуется, нет ли в школе на Бориса жалоб.

Муж хмыкнул, ничего не ответил, вновь уткнулся в газету.

У Эли не было в школе подружек и друзей. Она с первого класса замкнулась на музыке, держалась обособленно. Ей казалось, никто не понимал ее, и не хотел понять. И вот появился у нее школьный товарищ, с которым она на равных могла говорить о музыке. После слов отца, не жених ли Борис, она впервые задумалась, кем является для нее этот юноша. Конечно, другом. С ним легко и просто общаться. А еще он очень талантливый, на слух ловит сложные мелодии. С трудом постигает нотную грамоту. Упорно продолжает приходить, они договорились к концу учебного года выучить концерт для скрипки и фортепиано.

Затем они дуэтом сыграют на выпускном вечере. Эля в этом году заканчивала семилетку. А еще ей исполнится семнадцать лет.

С появлением Бориса и приходом весны Эля как бы очнулась от музыки. Оказывается, кроме музыки и нот существу-

ет и другой мир. Девочки одноклассницы весело щебечут обо всем на свете: обсуждают мальчиков и последние фильмы, вышедшие на экран, политику и городские новости, моду скорое открытие пляжного сезона. И Эля огляделась вокруг, и тоже стала замечать мальчиков, и взгляд ее теплел и в душе становилось тесно. Она видела, как девочки смотрят вслед Борису, в душе гордилась, что именно к ней домой он приходит, она запросто общается с ним. И хотя Эля не слыла красавицей, ее лицо одухотворилось новым внутренним светом. Она не понимала, что переступила возраст отрочества, гусеница превращалась в бабочку, Эля становилась почти взрослой девушкой.

Как-то в один из дней, когда Борис разучивал на скрипке очередную мелодию, Эля спросила:

– Почему ты не поступал в музыкальную школу? У тебя хорошие данные.

Борис потупился, замялся, ему не хотелось отвечать на этот вопрос. Эля и сама догадалась. Она с его слов знала, родители Бориса живут в небольшом молдавском селе, которое до сорокового года, как и вся Бессарабия, было оккупировано румынами, он ходил в румынскую гимназию. До сих пор по-румынски он говорит лучше, чем по-русски. Да и его молдавский родной, мало чем отличался от румынского. С приходом в их село советской администрации румынскую гимназию в селе упразднили, русской еще не создали. Родителей посчитали середняками, хотели выслать из села, отец

болел, за него заступились местные селяне, родители отправили сына в Одессу, «от греха подальше», к родному дяде, чтобы он закончил в городе семилетку. Они полагали, что их рано или поздно все равно сошлют, тогда хоть сын останется в Одессе. Борису не на что купить лишнюю пару рубаш, кто бы стал оплачивать обучение в музыкальной школе. Поэтому при всем желании продолжить музыкальное образование, он не мог. Об этом Эля могла только догадаться, сам Борис умалчивал о своем бедственном положении. Его дядя, работник в скобяной лавке, по вечерам играл на скрипке в местном ресторанчике, не гнушался играть на свадьбах и похоронах.

– Учись, Борька, играть, – говорил он. – Со скрипкой ты всегда будешь иметь кусок хлеба.

И Борис играл. Выучился быстро, все мелодии ловил на слух, дядя удивлялся, откуда в парне такой талант, не иначе цыганская кровь взыграла! Парень теперь иногда помогал дяде играть на очередных мероприятиях горожан.

Чтобы не отвечать на вопрос девушки, Борис поспешно спросил:

– А ты, куда бушь поступать опосля школы?

– В Киев поеду. Хочу поступить в консерваторию. А ты разве изменишь музыке?

– Не-е, я в военное училище пойду, – тряхнул кудрями Борис.

– Подожди, а как же скрипка? Ты же неплохо усваиваешь

ноты... – удивилась девушка.

– Вот именно! Не плохо... А должен отлично. Читать ноты, как ты, с листа. В армии есть военные оркестры. Там буду играть, – потупился виновато парень. – Если, конечно, меня примут.

– Странно... Ты никогда не говорил об армии.

– Вишь ли, нас в семье пятеро ртов, я шестой. И отец не дуже здоровый. Не потянуть мне консерваторию. А в училище одежда, форма и еда бесплатные, – обстоятельно пояснил парень.

– А как же музыка? – сделала большие глаза Эля.

– Что музыка? Останется увлечением. Буду на свадьбах в селе играть. Есть тако иностранное слово – хобби. Вот ты немецким занимаешься, что для тебя этот язык? Ты же не собираешься в Германии жить. Это тоже своего рода хобби.

– Я хотела прочитат в подлиннике Шиллера и Гете, – пояснила девушка.

– И как? Получается? – скептически скосил в ее сторону глаза Борис.

– Разговорный немецкий получается. И грамматику постичь можно. Читать на немецком стихи, – тяжело, – призналась она.

Во время занятий музыкой молодые люди могли поговорить на отвлеченные темы, рассказать о своем детстве, успевали поделиться своими увлечениями помимо музыки, поэтому Борис знал о занятиях Эли немецким языком. Отец

Эли поощрял ее увлечение, говорил, немцы многого добились в области техники, поскольку у нас с ними имеется пакт о непадении, возможно, его пошлют на стажировку в Германию, тогда он Элю возьмет в качестве переводчицы.

Эльвира, действительно, брала уроки немецкого языка у престарелого прибалтийского немца, родители которого до революции служили в России, во время первой мировой войны остались в России. После революции родители не приняли новую власть, уехали жить в Пруссию, сын с ними не поехал, воевал на стороне красных, имел желание перенести революцию к себе на родину. В Германии, как известно, случилась революция, которую быстро задавили. Позже он разочаровался в идеалах революции, в коммунистической риторике, красный террор и вовсе отвернул его от бывших однопольчан, он хотел уехать к родителям, только железный занавес захлопнулся, и он остался жить в Одессе. Преподавал немецкий язык в училище, затем ушел на пенсию. Вдыхая, он рассказывал Эле о своем жизненном пути, при этом говорил:

– Если бы победили белые, то сейчас бы мы везде читали, что враги народа это нынешние правители, а господа Врангель, Деникин и еже с ними – истинные борцы за справедливое общество. Памятники стояли бы им, а не нынешним вождям: глупым и амбициозным.

Элю корбило от его слов. За такие мысли вполне можно угодить куда следует.

– Разве белые могли победить? – возражала Эля. – Против них восстал весь народ. Нас даже страны Антанты не смогли одолеть, – говорила она убежденно то, чему ее учили в школе.

– Эхе-хе, – откашливался старый человек, – многого ты не понимаешь... Да и не можешь понимать. Молодая ты еще...

В некотором смятении уходила Эля от старого учителя. Все же как преподаватель он был превосходный, Эля быстро усвоила немецкую грамматику, довольно сносно говорила по-немецки. Знала, за такие речи его могли привлечь к ответственности. Поэтому старалась никому не говорить о высказываниях своего учителя.

– А откуда ты знаешь молдавский? – спросил Боря.

– У нас во дворе живет семья молдаван. Я в детстве играла с их девочками. Они по-русски почти не говорили, вот я и научилась. Младшая девочка до сих пор живет в нашем дворе. Мы говорим с ней по-молдавски. А румынский сильно отличается от молдавского? – в свою очередь спросила Эля, зная, что Борис учился в румынской гимназии.

– Не значительно. Молдаване свободно общаются с румынами.

И Борис начал обучать Элю особенностям румынского языка. Который в некоторых словосочетаниях, оборотах речи отличался от молдавского. Как казалось Эле, разнился в меньшей степени, чем русский отличается от украинского языка. Ко всему прочему, Борис, несмотря на свое четырех-

летнее образование, был довольно начитанным мальчиком. Он признался Эле, что его с трех лет грамоте учила старшая сестра. Он пристрастился к чтению, перечитал все книги, которые можно было найти в селе у соседей. Отец не очень поощрял увлечение сына, которое мешало иногда помогать ему по хозяйству, однако не строго относился к его увлечению. Поэтому, несмотря на молдавский акцент, Бориса интересно слушать, обороты его речи правильно и логично построены.

Как-то в один из таких уроков по языку и музыке, Борис отложил скрипку, вздохнул и с горечью проговорил:

– Тебе немецкий никогда не пригодится, мне, возможно, скрипка тоже никогда...

– погоди, а зачем же ты тогда учишь ноты? – удивилась Эля.

– Чтобы тебя чаще видеть, – выпалил Борис, сам не ожидая от себя такой откровенности, покраснел, уставился на девушку, ожидая от нее отповеди. Только Эля сама растерялась, не зная, что сказать юноше.

– Ты меня все это время обманывал? – тихо спросила она.

– В смысле? А-а, нет! Я, действительно, хочу выучить ноты. Но мне хорошо с тобой. Я еще ни с одной девчонкой не дружил, – выпалил Борис и уставился на девушку, не зная, как она отреагирует на его признание.

– И я не дружила с парнями, – смущенно ответила девушка. – А мы с тобой дружим или просто изучаем ноты? – наивно спросила она.

– Конечно, изучаем! – тут же спохватился, сказал глупость, поправился: – Мне рядом с тобой очень хорошо. Я иногда думаю о тебе, а не о нотах.

От чего у Эли потеплело на душе, она еще раз отметила, у Бориса красивые, черные, жгучие, цыганские глаза, его взгляд проникает в самую душу. А еще красивые длинные пальцы, когда он брал в руку ее ладонь, у нее все замирало в груди.

Вскоре Борис уехал на весенние каникулы домой, Эля отчетливо ощутила, как ей его не хватает. Она уже привыкла к его посещениям, когда они не только занимались музыкой, а и разговаривали на различные темы. А еще он ждал ее после занятий в школе и провожал домой, обходя несколько лишних кварталов, и ей было легко с ним общаться. Каникулы закончились, Борис все не появлялся. Только через неделю после начала занятий он появился в школе. Элю избегал, к ней не приходил. Она сама подошла к нему на перемене, спросила, почему он не приходит заниматься. Он покраснел, замялся, потом тихо сказал, давай встретимся после уроков в парке.

Эля пришла в парк, Борис стоял понурый, чувствовалось, у него что-то произошло. С моря дул холодный ветерок, в воздухе пахло весной, мутные ручьи бежали по склону в сторону одесского порта. Они прошли немного по аллее, Эля спросила:

– Как ты съездил домой?

– Плохо. Все там плохо. При румынах было плохо, и сейчас, когда там установили советскую власть, стало не лучше, – хмуро ответил парень. – Отец говорит: сначала нас оккупировали румыны, теперь оккупировали Советы. И неизвестно, кто из них хуже.

Парень замолчал, потупил голову. Девушка горячо возразила:

– Что ты говоришь, Боря! Как не лучше?! Вы же раньше под румынами жили! Они вас за людей не считали! Вас освободили! Теперь у вас наша власть, Советская, как в Одессе.

Парень посмотрел на нее, вздохнул.

– Освободили... – уныло подтвердил он. – Кака така оккупация? Мы были частью Румынии. Да, они считали нас людьми второго сорта, однако не притесняли так, как это делают нынешние комиссары. Раньше приезжал в село румынский уполномоченный, зачитывал нам приказы и постановления властей, взимал налоги и прочие поборы, и уезжал. Из румын в селе жили только староста, учителя, которые учили нас в гимназии, да лавочники, которые содержали лавки с товаром. А мы продолжали жить так, как жили раньше. С приходом этой власти, у нас в селе появился председатель, парторг, учетчик и милиционер. И куча начальников в районе. Староста сбежал в Румынию, учителя разъехались, лавочников посадили, лавки национализировали. Прошлись по дворам, переписали коров, овец, виноградники, инвентарь и приказали все это сдать в одну кучу. Половина сдан-

ного скота передохло. Кто не сдал, пустил на мясо, того сослали, – угрюмо рассказывал Борис. – Нашу семью тоже хотели выслать, как зажиточных. Отец давил вино и продавал на рынке. Запретили. Создали колхозы. Обложили налогом виноградные кусты и фруктовые деревья. В пору – вырубать все! Раньше мы на себя работали. Теперь на государство. В итоге ни у нас не стало, ни у государства. Милиционер напился, избил моего отца за то, что тот сделал ему замечание за его непотребное поведение. Сдачи дать нельзя, он теперь власть. А учетчик оштрафовал в отместку отца на пять трудодней. Отец и так болеет, а теперь он и вовсе слег. Вот я и думал, ехать мне сюда или за отца в колхозе батрачить, – медленно говорил парень, поглядывая на девушку, которая все пыталась прервать его замечанием.

– И это причина, чтобы не приходиться к нам? – спросила Эля.

Борис помялся, подбирая слова, пояснил:

– Ты из этих... – кивнул он на проходившего мимо пионера с красным галстуком на груди, – твой отец красный инженер. Дядя говорит, придут румыны, они вас сошлют, а с меня спросят, почему я с вами якшался? И заодно с него тоже спрос будет коротким.

– Что ты такое говоришь?! – остановилась Эля. – Ты полагаешь, что сюда могут придти румыны? Какая чушь? Папа говорит, что румыны без немцев воевать не станут. А у нас с немцами договор... Борис махнул рукой, проворчал:

– Какой договор! Дядя говорит, подотрутся немцы тем договором, дай им только срок, – и пошел вперед. Эля в полном смятении засеменила следом, дернула за рукав.

– Давай я папе скажу, чтобы он поговорил с областным начальством, те наведут порядок в вашем селе, – предложила девушка.

– Что ты, не надо, еще хуже будет! У нас те, кто жаловался, уже исчезли из села, – всполошился парень. Присели на садовую лавочку, посидели, помолчали. Борис носком туфли чертил на песке замысловатые фигуры. Эля задумалась над услышанным.

– Зря ты ругаешь колхозы, – сказала она. – Их создают для блага самих крестьян. В нашей области, колхозы создали еще двенадцать лет назад, – удрученно проговорила Эля. – И никто не жаловался. Все вступали добровольно.

– Ага, добровольно! Рассказывал мне дядя о добровольности. Знаешь, сколько людей в Одесской области в Сибирь загнали? И в нашем селе тоже многих сослали? Дяде Ионе, двоюродному брату отца, дали десять лет лагерей. За что?!

– За что? – переспросила Эля.

– За то! Дядю Ион лавку свою имел, не хотели признавать закон о национализации! В ней сейчас дядя Фанел работает простым продавцом. А крестьян у нас сослали потому, что лошадей и коров лишних имели! Вино давили и продавали. За то, что уполномоченным рылом не понравились! – вскипятился Боря.

– Я расспрошу об этом папу. А ты что же, теперь против советской власти будешь выступать? – с внутренним страхом спросила Эля, вдруг парень скажет: – «Конечно!». Он только рукой махнул.

– Да причем здесь советская власть! При любой власти жить можно, если в ней правители нормальные, – с досадой высказался Боря. – Нам бы председателя толкового, да парт-орга убрать. Жили же раньше без руководящей и направляющей. А то не знаешь кому подчиняться, то ли председателю, то ли парторгу. Мама настояла, чтобы я все же поехал, доучился. Будет в нашей семье хотя бы один грамотный. Полгода осталось до каникул. А там еще год и в военное училище пойду.

– Ты можешь не поступить, – тихо сказала Эля.

– Почему? – удивленно спросил парень и уставился на нее своими темными глазами.

– Ты плохо говоришь по-русски, а пишешь еще хуже. У тебя ошибки в каждом слове. В училище принимают с десятию классами, в некоторых случаях с семилеткой тоже берут, – пояснила Эля.

– Может, я попаду под некоторый случай, – удрученно проговорил парень. – Мне еще год учиться, подтяну русский.

Эля промолчала, не стала говорить, что вряд ли примут парня в военное училище не потому, что плохо говорит по-русски, его отец подпадает под подозрение в частной деятельности, то есть, считается кулаком. Да и дядя сидит как

контрреволюционер. С такой «родословной» в военное училище не принимают. Со слов Бориса она знала, он в селе окончил румынскую четырехклассную гимназию, дальше повышать образование можно только в районном уезде или в Кишиневе. Почти никто не уезжал из села по окончании гимназии. Румыны не очень поощряли образование молдаван, которых они считали людьми второго сорта. Правда, евреев, гагузов, украинцев и прочих инородцев румыны не любили еще больше, тем вообще доставались самые грязные и тяжелые работы. Молдаване работали на виноградниках и полях, которые принадлежали богатым румынам и местным богатым. И только незначительная часть молдаван имели свой клочок земли, на котором выращивали виноград. Такой клочок земли имела многодетная семья родителей Бориса. Каждую осень они собирали урожай винограда, давили его прессом, делали вино на продажу.

Борис почесал затылок, словно впервые услышал, что плохо говорит по-русски, и принимают в училище после десятилетки. Ему к приезду в Одессу уже исполнилось семнадцать лет, для школьника он переросток.

– Да? Может быть, ты со мной еще и русским языком займешься? – спросил парень. – Я тебя в румынском подтяну, ты меня по-русски научишь.

Эля улыбнулась.

– Зачем мне нужен румынский. Он мне явно никогда не пригодится. Заблуждается твой папа, русские никогда не до-

пустят румын в Одессу, – мягко проговорила она, и положила ладонь на его руки. – А тебе, конечно, я помогу. Ты приходи, Боря. И русским позанимаемся, главное, не бросай музыку. Ты очень талантливый. На слух ловишь очень сложные пассажи.

И Борис опять начал вечерами приходить в дом к Элиным родителям. Мать его воспринимала, как доброго товарища дочери, привечала его. Отец редко видел его в своем доме, Борис всегда старался уйти до того, как отец Эли возвращался с работы.

Весна в Одессе наступает рано. Море еще по-зимнему шумит, а по улицам разливается тепло, цветут акации и каштаны. К выпускному вечеру Эля и Борис готовились втайне от одноклассников. Мало кто из учителей знали, какое именно произведение они хотят сыграть на выпускном вечере. Эля с Борисом решили сыграть «Неаполитанский танец» Чайковского, а если вызовут на «бис», еще и Брамса. Седьмой класс считался выпускным. Готовились самозабвенно, всем соседям давно уже надоел и Чайковский, и Брамс, они спрашивали мать Эли:

– Та кода ж ваша девочка поедет играть на нервы в Киев або даже дальше?

– Потерпите, немного осталось, – виновато улыбалась мать.

Из уважения к отцу инженеру соседи не проявляли явного недовольствия.

И все же сыграть на выпускном вечере им не удалось. Как-то так случилось, что после экзаменов вечер отложили, а там стало уже и не до вечеров.

Известие о начале войны ошеломило многих, трудно было поверить, что в этот теплый летний день где-то гремят орудия, гибнут люди. На СССР вероломно напала Германия, а на Бессарабию обрушились немецкие и румынские войска. Одесса в первый день замерла, шли разговоры, что война ненадолго, это вовсе и не война, а военный конфликт на границе, который быстро затихнет. Однако уже на второй день стало известно, бомбили все приграничные города, и даже Киев. Одесские жители не сразу ощутили ужасы войны. Строили оборонительные укрепления, призывные пункты работали чуть ли не круглые сутки, город притих, объявили комендантский час. Началась эвакуация немногих предприятий, в городе военных заводов не было, эвакуировали гражданское население, ценности из музеев, документы партийных и силовых органов. И только через месяц на город посыпались бомбы из пролетающих немецких бомбардировщиков. Люди вначале не поняли, с любопытством смотрели на завывающие незнакомые силуэты самолетов. Только когда бахнуло, посыпались стекла и осели два дома, люди кинулись врассыпную. С черноморских кораблей ударили пушки, все загрохотало, заволокло дымом и пылью, люди окончательно поняли: в их дом пришла война, которую на границе не остановили. В газетах, листовках и по радио сообщали:

дунайская флотилия ведет героическую оборону советских рубежей. «Не отдадим ни пяди советской земли!» – гласили листовки. В газетах писали, как мужественно сражаются советские солдаты, наши самолеты бомбят румынскую Тульчу, Галац. Жители приграничного Измаила держат оборону от превосходящих сил противника. К военкоматам и сборным пунктам по-прежнему шли мужчины разных возрастов. Отец Эли неделю назад уехал в командировку на восток, за день до начала войны он звонил, справлялся о здоровье мамы, Элиной бабушки, которая накануне заболела. А теперь, когда прошло три дня, о нем ничего не слышно. Эля спрашивала маму, как им быть, если война придет в Одессу: уезжать или оставаться? Родители Эли до последнего надеялись, что приедет муж и решит, как им поступить. Тринадцатого августа из Одессы на восток ушел последний эшелон, муж и отец не появился. Ждали, и не дождались.

– А как же папа? – говорила мама, все оттягивая отъезд. – Он приедет, а нас нет.

– Его же могут мобилизовать на фронт? – выстраивала догадки Эля.

– И не звонит... – вставляла с горечью бабушка.

– Мама, линия перегружена военными, тут не до частных разговоров, – оправдала мужа мать. – Вряд ли его мобилизуют. Он инженер, он нужен здесь, на заводе. Война в Одессу не придет. Все закончится на границе, – уверено говорила мать. Однако связь с остальным миром прервалась, только

военные по своим каналам могли дозвониться в Киев или Москву. Всех трудоспособных жителей мобилизовали на рытье траншей и окопов. Строили линию обороны. Мать Эли мобилизовали, несмотря на ее слабое здоровье. Элю тоже хотели отправить на рытье противотанковых траншей, посмотрели на ее хрупкое существо, мать настаивала на другой для нее работы, поскольку девочка пианистка и ей нужно беречь пальцы. Элю отправили на курсы санитарок, одновременно учили стрелять из винтовки и метать гранаты. На случай, если придется обороняться всем городом. Винтовка тяжелая, Эле едва хватало сил передернуть затвор. С гранатой управляться легче, выдернул кольцо и кидай подальше от себя в сторону противника. Однажды она кинула, да не докинула. Граната ударилась в бруствер и скатилась назад в окоп. Хорошо, что граната учебная, инструктор долго ее материл, подобных слов Эле ранее слышать не приходилось. Зато перевязывать раны она научилась быстро. Однажды мать вернулась со строительства оборонных траншей на вторые сутки. Бабушка и Эля извелись от неизвестности. Когда она появилась на пороге вся в глине и болотной жиже, измученная, и как то враз постаревшая, они кинулись к ней с расспросами, подозревая, что румыны прорвали оборону. Едва мать пришла в себя рассказала:

– Ой, мы там такое пережили, – прижала она руки к груди. – Недалеко от нас высадился немецкий десант в форме красноармейцев. Мы поначалу думали: наши! Прибыли нам

на подмогу. А они как начали расстреливать всех вокруг, тут только красноармейцы и смекнули: дело не чисто. Мы все в грязь попадали, накануне дождик прошел, кому-то не повезло, погибли не на передовой. Десант, конечно, уничтожили, страху натерпелись, упаси Господи!

Борис не приходил, стало не до музыки. Эля встретила его на «Приво́зе». Он помогал дяде в лавке.

– Ты воевать пойдешь? – спросила девушка. – Ты же хотел быть военным. Как раз выпал случай проявить себя. Потом легче будет поступить учиться дальше.

Борис замялся.

– Я ходил в военкомат, меня не взяли, – неуверенно проговорил он. – Сказали, нет восемнадцати. Велели погулять. Мне в декабре исполнится восемнадцать, – напомнил он.

В разговор вмешался дядя, он стоял у двери, подозрительно смотрел на девушку:

– Какой из ёго вояка, пусть сопли утрёть вначале! – зло проговорил он. – Да и против кого воевать?! Ладно бы то немцы! А то румыны! Они нам не чужие! – смело заявил он.

Теперь мало кто боялся органов НКВД. Им не до местных, сами успели разбежаться, кого призывали на фронт, кто-то успел сбежать на восток. В городе в открытую стали высказывать свои мысли и пожелания бывшие белогвардейцы, царские офицеры и нижние чины бывшей Российской императорской армии.

– Я домой поеду, – нагнув голову и очерчивая носком ботинка черту по пыли, проговорил Борис. – Родителям помогать надо.

– Туда же могут прийти румыны? – сказала Эля, как бы предостерегая друга от опрометчивого шага.

– Ну и что! Жили мы уже под румынами, знаем. Они могут и сюда прийти.

– Нет, сюда они не придут. Красная армия не допустит, – уверено проговорила девушка. Дядя сплюнул, пошел в лавку.

Боря набычил шею, пожал плечами. Из глубины лавки его окликнул дядя:

– Хватит лясы точить, иди работать!

Боря мотнул головой.

– Я пойду. Пока! Когда все уляжется, я зайду.

– До свидания, Боря. Береги себя, – посоветовала Эля.

Он покивал головой, повернулся и медленно пошел в глубину лавки.

И сколько потом Эля не приходила на рынок, заглядывала в лавку, Бориса не видела. Все же уехал к родителям, – решила она. Два месяца она не видела его. Борис появился в Одессе, когда бои шли уже на подступах города. Часть войск эвакуировали морем. Стал всем ясно, город не отстоять. Парень зашел в подъезд, где жила Эля, звонок в квартиру не работал, он постучал. Из-за двери слышался женский голос:

– Кто там?

Борис узнал голос матери Эли, отозвался:

– Это я, тетя Нина, Борис. Эля дома?

Мать приоткрыла дверь, выглянула.

– Здравствуй, Боря. Эля пошла в музыкальную школу.

Она вместе с преподавателями дежурит на крыше, сбрасывают вниз зажигалки. Или охраняет инвентарь от мародеров, – пояснила женщина.

Борис поблагодарил, сказал, он зайдет в школу. Он, действительно, пошел в школу, удивился перемене, произошедшей во всем городе, со школой в частности. Многие стекла в окнах выбиты, кое-где заставлены фанерой и досками, дверь еле держалась на петлях. Некоторые дома разрушены от авиабомб, которые сбрасывали самолеты. Внизу его остановил старенький преподаватель, принял за очередного любителя забрать, что плохо охраняется.

– Вы куда, молодой человек? – строго спросил он.

– Мне бы Райнову увидеть, – проговорил Борис, не очень уверенный, что она могла бы оказаться здесь. Не дело хрупкой девушке заниматься охраной.

– А, это к Эле, – и крикнул кому-то вглубь коридора, чтобы позвали Райнову.

Эля вышла сразу же, крайне удивилась, увидев Бориса.

– Ты почему вернулся?

Борис показал ей на лавочку, предлагая присесть. Они сели перед большим увядшим кустом сирени, осень вступала

в свои права. Листья на тополе, стоявшем по ту сторону дороги пожухли, только платаны лениво шевелили листьями, словно они сделаны из жести. Небо по-осеннему темно синее, кучевые облака наступали на город.

– Так почему ты вернулся? – повторила вопрос Эля.

– Тебя хотел увидеть, – усмехнулся Борис, и именно в кривой улыбке она почувствовала, он врет. Хотя как приятно услышать, что он вспоминал, думал о ней, ради нее приехал в Одессу, которую неизвестно: удержат или не удержат красноармейцы. Хотя если уже приступили к эвакуации красноармейцев морем, понятно: не удержат.

– В твое село пришли румыны? – спросила Эля.

– Пришли, – кивнул он.

– Ты почему не остался?

– Евреев и цыган румыны расстреливают или ссылают в лагерь. А у меня в крови течет цыганская кровь. А еще меня хотели мобилизовать. Отец велел переждать у дяди, – нехотя пояснил Борис. Эля недоуменно воскликнула:

– Да сколько в тебе той крови! И кто об этом знает, если ты сам не расскажешь! У многих молдаван в крови течет цыганская кровь, что же полстраны расстреливать? Румыны и сюда придут, куда ты дальше побежишь?

Борис криво усмехнулся:

– Ты говорила, румыны сюда не придут, – напомнил он.

– Говорила, – согласилась Эля. – Кто знал, что так все повернется. Наши утверждали, если нападут, будем драться на

их территории. – Вздохнула. – Как оказалось, займут они город. И как ты дальше? – взглянула она на парня.

– В городе легче спрятаться. Некоторое время у дяди перебуду, а там посмотрим, – излишне уверенно произнес он. – Вы, почему остались? – имея ввиду ее семью, спросил Борис.

– Нам некуда ехать. Сначала ждали папу, потом пути отрезали. Папа так и не объявился, мама и бабушка очень переживают. А что будет с твоими родителями, если узнают, что ты сбежал на нашу территорию?

– Румынам не скажут, где я. И что нам румыны? К нам вернулись прежние хозяева, они родителей знают, не тронут. Меня молодого, они могли бы призвать в их армию, а я не хочу за них воевать. Договорились, если что, я уехал в Бухарест.

– Так тебе же нет восемнадцати? – напомнила Эля.

– Они на это не смотрят. Винтовку в руки и вперед.

– А прежнее начальство, которое ты так ругал? Они остались в селе? – расспрашивала Эля.

– Зачем им оставаться? Они на фронт ушли. Парторг у нас местный, его по годам не взяли, он еще при румынах воду мутил, в тюрьму сажали. Теперь по законам военного времени – расстреляли, – равнодушно проговорил он, словно расстреляли не человека, а ворону на дереве.

– Как?! Без суда? – округлила глаза девушка.

– Какой суд?! Война ведь! Вывели за огород и расстреляли.

В его голосе Эля не уловила сожаления. В душе оправдывала его, друг за эти два месяца успел насмотреться столько дикости, столько мертвых тел, что расстрел одного человека уже не вызывает в нем никаких эмоций.

– Мерзость какая! И что ты решил? Будешь прятаться или сражаться в рядах Красной Армии? – допытывалась Эля.

– Не, не буду. Не за кого сражаться. Что большевики, что румыны, хрен редьки не слаще, – с миной недовольства на лице мотнул он головой. – Мне же еще нет восемнадцати, – напомнил Борис.

– Кто сейчас в этой круговерти будет спрашивать о годах, ты вон, какой здоровый. Чем же ты будешь заниматься? – Эля не могла понять истинной причины появления Бориса в Одессе. Уйти с отступающими войсками он не хочет. Воевать на стороне румын тоже не желает.

– К дяде Фанэлу в лавку пойду, помогать буду, – буркнул он. – Дядю не тронут. До революции у него тоже была своя лавка. Дядя Фанэл посмотрел на дядю Иону, понял, все равно отберут. Лучше добровольно отдать. Теперь лавка опять может стать его. Румыны поощряют частную торговлю. Возвращают прежним хозяевам их добро, которое большевики отобрали.

– С чего ты взял? А вдруг – нет? – попыталась переубедить она парня.

– Румыны торговать разрешают, – упрямо повторил Борис. – У нас в село вернулись прежние хозяева, открыли

свои лавки, которые ранее ихними были, – угрюмо доказывал свою правоту Борис.

Замолчали, каждый думал о своем.

– Не знаю, как мы будем жить, – со вздохом промолвила Эля.

– Посмотрим, – не очень уверенно проговорил Борис. – Ты сюда, в училище не ходи, – посоветовал он. – Все равно ничего не убережете. А ты вон, какая хрупкая. Еще по голове настучат.

– Жалко ведь. Играть не умеют, а воруют.

– Знамо дело, на продажу.

– Ты скрипку забросил? – покосилась на него Эля.

– Не до музыки сейчас, – отмахнулся парень.

Эля повернулась к Борису:

– Ты прав. Неудобно играть, когда вокруг столько горя. На моей улице соседа напротив нашего дома в порту бомбой убило. Попал по бомбежку. Жена так рыдала.

– У тебя одного соседа, у нас треть села расстреляли, – хмыкнул Борис.

– За что?! – удивилась Эля, она все не могла свыкнуться с тем, что так равнодушно можно говорить о гибели невинных людей.

– За все! Кто коммунистам помогал, или сопротивление оказывал, у кого дети с большевиками ушли, кто в ополчение записывался. На некоторых соседи донесли... – нехотя пояснил Борис и замолчал. Ковырял каблуком разбитый ас-

фальт.

– Как ты перешел линию фронта? – спросила Эля.

– С трудом. Сначала чуть не попался румынам, потом немцам, от русских уходил плавнями.

– А от русских зачем? Ты же сюда, к нам, шел? – удивилась девушка.

– Так они и поверили бы, что я не шпион. Там такое твориться, разбираться некогда. К стенке сразу ставят и весь спрос.

Эля увидела, как пожилой преподаватель покинул здание школы, на смену ему пришла тоже пожилая преподавательница сольфеджио. Борис проследил за взглядом девушки, соорудил гримасу:

– Тоже мне: охраннички... – взглянул на Элю, поперхнулся, проговорил: – Зря вы, ничего не убережете. Придут немцы или румыны, им все достанется.

Расстались как-то холодно, какая-то недосказанность осталась между ними.

Фронт приближался вплотную к городу. Залпы фронтовых зениток, уханье пушек с кораблей вызывали дребезжание стекол в окнах, немецкие самолеты бомбили порт и заводы. От взрывов прятались в подвале. Затем сообразили, если дом рухнет, они из подвала не выберутся, будут погребены заживо. Стали прятаться в высохшей сливной канаве. Бабушка махнула рукой, при бомбежках не выходила из дома, сказала, если суждено погибнуть, то лучше в собствен-

ном доме. 5 августа фронт вплотную приблизился к пригородам Одессы. Казалось, еще три, четыре дня и город падет. Однако, шла неделя за неделей, город не сдавался. Защищали город не только регулярные части отдельной приморской армии и матросы военно-морской базы, но и ополченцы, жители Одессы. Немцы были очень недовольны боевой выучкой румынской армии, которая не могла сломить сопротивление по сути одесских ополченцев, их армию отвели на перестроение, в бой вступила немецкая армия. Вскоре стрельба началась в самом городе. Отступающие части Советской армии уходили из города, многих эвакуировали морем, немцы нещадно бомбили корабли с отступающими войсками. Военный инструктор последний раз собрал ополченцев, оставшихся стариков и женщин, сказал, чтобы все расходились по домам, забрали с собой оставшиеся винтовки и гранаты, чтобы они не достались немцам и румынам. Винтовка для Эли оказалась тяжеловатой, да и не нужна она девушке, в свою сумку она положила две гранаты, да и то, чтобы не огорчать инструктора отказом, с ними пришла домой. Мать увидела, дочь достает из сумки гранаты, удивилась:

– Зачем ты приперла их домой?

– Пускай будут. Мало ли как сложится, – упрямо возразила Эля.

– Если найдут их у нас, беды не оберешься, – заметила бабушка.

– Я их спрячу.

Она положила гранаты в чулан, сверху заставила их всяким хламом. Вскоре и забыли о них, не до гранат стало.

16 октября румыны вступили в город. Горожане поговаривали: румыны не смогли бы взять город, если бы не помощь немцев. Что крайне удивило Элю, и не только ее, она видела, как некоторые граждане восторженно встречали входившие в город части, бросали под ноги цветы. Только спокойная жизнь в городе не наступила. Через несколько дней город потряс взрыв огромной силы. Многие ходили смотреть на развалины румынской комендатуры. В этом же здании при прежней власти располагалось местное НКВД. Его заняла румынская военная администрация, в нем же находилась сигуранца, аналог немецкого гестапо. На рынке шептались, погибло много военных, в том числе два генерала, поскольку в этот день в комендатуре шло совещание. Кто подложил бомбу сомнений не вызывало, не могли понять, кто и как проник в здание со взрывчаткой. Только через много лет выяснилось, перед своим отступлением советские военные заложили взрывчатку с механизмом, который позволял по радиосигналу привести его в действие. Эля не ходила смотреть на развалины, там и так все вокруг оцеплено. Да и не вызывало это событие в ней любопытства. На кухне с мамой и бабушкой обсудили этот случай, и тут же забыли.словно в ответ на взрыв, на следующий день на домах и заборах развесили листовки, в которых предписывалось всем евреям города явиться с вещами к городской тюрьме. Многих евреев

сгоняли силой, вновь созданная полиция из числа одесских добровольцев и румын ходили по адресам, уводили евреев всей семьей. Не щадили ни малолетних детей, ни стариков, ни пожилых женщин. Евреев выстраивали в колонны и гнали пешком в сторону поселка Дальника. Концлагерь организовали также у села Богдановка, куда сгоняли пленных красноармейцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.